

89
АПРѢЛЬ.

1902.

РУССКОЕ КОЛЯТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1902.

Наша текущая жизнь.

(«Миръ Божій», «Вѣстникъ Европы» и «Русская Мысль» за январь, февраль и мартъ).

„На поворотѣ“—таково заглавіе новой повѣсти г. Вересаева, напечатанной въ трехъ первыхъ книжкахъ—„Мира Божія“ за текущій годъ. Повѣсть эта обладаетъ страннымъ свойствомъ: чѣмъ дальше читаешь ее, тѣмъ съ большимъ недоумѣніемъ спрашиваешь себя, къ чему же собственно относится заглавіе. То, что было, напр., напечатано въ январской и февральской книжкахъ, говорило, повидимому, о „поворотѣ“ въ настроеніи и идеяхъ современной интеллигентной молодежи. Окончаніе же повѣсти заставляетъ думать, что весь „поворотъ“ касается лишь личнаго кризиса одного изъ героев, т. е. сводится къ тому, что французъ, смѣясь надъ своими романтиками, назвали „бурей подъ сводами черепа“. И невольно задаешься вопросомъ, дѣлая мысленный обзоръ всей повѣсти, достаточно-ли самъ авторъ выяснилъ для себя, въ чемъ должна лежать основная идея его произведенія. Эта раздвоенность фабулы и вообще какая-то взѣрошенность содержанія отнимаетъ немало интереса и у той стороны повѣсти, которая могла бы возбуждать любопытство читателя просто какъ историческій документъ, какъ отраженіе новыхъ вѣяній въ русскомъ марксизмѣ, перелома въ міровоззрѣніи его послѣдователей и борьбы различныхъ направленій среди нашихъ „учениковъ“.

Мнѣ бы хотѣлось въ самомъ началѣ поставить автору лишь слѣдующій вопросъ: разъ онъ задумалъ серьезную вещь, а не горбуновскій рассказъ, что это ему пришло въ голову сдѣлать въ сторону „Русскаго Богатства“ неожиданный полемическій выпадъ, который производитъ самое курьезное впечатлѣніе и вызываетъ у любого непредубѣжденнаго читателя очень простой и почти инстинктивный, но дѣйствительный рипость. Въ самомъ дѣлѣ, рисуя либеральнаго земца и его заплывшую жиромъ довольства супругу, г. Вересаевъ въ числѣ особыхъ примѣтъ этой четы отмѣчаетъ чтеніе „Русскаго Богатства“, и при томъ чтеніе, процессъ котораго совершается согласно нѣкому, изображаемому авторомъ въ комическомъ свѣтѣ, ритуалу: жена читаетъ, а мужъ „слушаетъ и рисуетъ лошадиныя головки“, что, по словамъ чтицы, „очень помогаетъ слушать и сосредоточиваться“ (январь, стр. 45).

Но, вѣдь, нѣтъ ничего легче, какъ въ pendant этой четы изобразить другую чету, которая будетъ восторгаться чтеніемъ „Мира Божія“, а прояснять свои мозги рисованіемъ вотъ хоть

бы... Я великодушно предоставляю г. Вересаеву право примѣрить для своихъ кліентовъ и подходящую головку...

Содержаніе повѣсти можно представить въ немногихъ словахъ. Нѣсколько молодыхъ интеллигентныхъ людей обоого пола встрѣчаются на каникулахъ въ провинціи, ѣздятъ другъ къ другу въ гости, купаются, гуляютъ и въ продолженіе большей части повѣсти проводятъ время въ чаепитіяхъ и разговорахъ. А къ концу, словно сообразивши, что нельзя же героямъ беллетристическаго произведенія только говорить, а надо и дѣйствовать, вдругъ принимаются за дѣйствія, но, вѣроятно, по поспѣшности совершаютъ лишь рядъ странныхъ поступковъ: одни бьютъ стекла и катаются въ истерическомъ припадкѣ; другіе умышленно заражаются лошадинымъ сапомъ; третьи лѣзутъ въ петлю, но во время выскакиваютъ изъ нея и идутъ „въ темноту, не зная куда“, а авторъ благополучно ставитъ точку—и занавѣсъ падаетъ. Въ связи съ такой архитектурой повѣсти, которая въ первой половинѣ построена главнымъ образомъ на разсужденіяхъ, а во второй на диковинныхъ приключеніяхъ, и большинство дѣйствующихъ лицъ словно подломапо и сложено изъ двухъ различныхъ кусковъ: начальнаго характера, болѣе или менѣе индивидуализированнаго для каждаго разсуждающаго героя; и характера окончательнаго, расплывающагося въ одинъ общій типъ ненормальнаго человѣка, который выкидываетъ удивительныя колѣнца.

Такъ, главный герой повѣсти, Токаревъ, въ началѣ рисуется если и пережившимъ крушеніе первыхъ наиболее прямолинейныхъ идеаловъ молодости, то все же въ общемъ человѣкомъ разсудительнымъ и уравновѣшеннымъ. А въ концѣ, послѣ смерти фельдшерицы Изворовой, его старинной привязанности, тотъ же самый Токаревъ бредитъ въ разговорѣ уже крайне туманными несообразностями на „страшныя“ психологическія темы и чуть-чуть не вѣшается на шелковомъ поясѣ. Точно также сама Варвара Васильевна Изворова представлена въ первой половинѣ не особенно избалованною личнымъ счастьемъ, но живою и дѣятельною дѣвушкою, которая проявляетъ много энергіи, самоотверженія, профессиональнаго безстрашія на скромномъ поприщѣ, отмежеванномъ ей судьбой. Въ финальныхъ же главахъ Варвара Васильевна вдругъ принимается за странные пессимистическіе разговоры съ Токаревымъ, съ которымъ ей вновь не удался вторично начинавшійся романъ,—не удался, мимоходомъ будь сказано, не извѣстно почему, ибо съ обѣихъ сторонъ готовность была полная,—и рѣшаетъ покончить съ собой, нарочно заразивъ себя отъ больного сапомъ. Теперь приходится уже иначе истолковывать заднимъ числомъ нѣкоторыя черты ея характера. И напр. ея простую и скромную готовность жертвовать жизнію при исполненіи обязанностей фельдшерицы (сцена съ мужикомъ, страдающимъ водобоязнію) читатель вынужденъ теперь отнести на

счесть ея болѣзненной склонности къ самоубійству, такъ что отъ цѣльнаго типа помятаго жизнію, но хорошаго нормальнаго человека не остается ничего. Подобную же операцію разрушенія только-что начавшаго вырисовываться типа г. Вересаева продѣлываетъ и надъ братомъ Варвары Васильевны, Сергѣемъ, который вначалѣ привлекаетъ читателя страстностью своей натуры и прямолинейностью своихъ взглядовъ и отъ котораго ждешь и соответствующихъ поступковъ, но который въ концѣ концовъ занимается лишь тѣмъ, что высаживаетъ рамы въ родительскомъ домѣ и вызываетъ переполохъ въ семьѣ ночными истериками.

Словомъ, когда г. Вересаевъ заставляетъ приступать своихъ героевъ къ дѣйствию, онъ расправляется съ ними, не какъ авторъ-отецъ, а какъ Иродъ, безжалостно избивающій чужихъ младенцевъ, или, выражаясь менѣе возвышенно, какъ горшечникъ, которому не понравилась сдѣланная его же рукой посуда и который дробитъ ее въ черепки. Этими осколками характеровъ, головъ, рукъ и ногъ героевъ усыянъ весь финалъ „На поворотѣ“; и такой участи избѣгаютъ отчасти лишь тѣ фигуры, которыя авторъ убралъ изъ заключительныхъ главъ или оставилъ на заднемъ планѣ, подальше отъ своей руки-владыки. Къ этой категоріи можно отнести Таню Токареву, кипящую въ противоположность своему брату нетерпимостью и фанатизмомъ молодости; студента „Митрыча“, здороваго бурсака съ крѣпкими нервами и запасомъ идейной злости; и еще нѣсколько второстепенныхъ лицъ.

Итакъ, „дѣйствию“, какъ видите, не посчастливилось въ повѣсти г. Вересаева. Перейдемъ же къ разговорамъ, представляющимъ болѣе интересную сторону ея. Но и тутъ надо отличать двѣ категоріи разговоровъ: разговоры, въ которыхъ люди, когда-то вѣровавшіе въ общественные идеалы, а нынѣ разочаровавшіеся въ нихъ, стараются оправдать свое теперешнее стремленіе жить личною жизнію и отдѣлаться отъ неудобноносимыхъ для нихъ слобыхъ плечъ бремени широкой дѣятельности; и разговоры, въ которыхъ отражается современное броженіе умовъ среди марксистской молодежи и выработка болѣе жизненнаго и активнаго міровоззрѣнія путемъ столкновений между людьми, еще недавно загипнотизированными единоспасающей формулой. Грѣшный человекъ, но я умѣренно интересуюсь личной психологіей, хотя бы Токарева, стоящаго „На поворотѣ“, тѣмъ паче, что разсужденій этихъ поворотчиковъ мы вдосталь наслушались въ жизни и читались въ романахъ „лишнихъ людей“, и новаго въ нихъ мало, какимъ бы беллетристическимъ галантиромъ они ни приукрашались. Старая это исторія, столь старая, что, напримѣръ, въ нижеслѣдующихъ думахъ Токарева вы не найдете ничего особенно современнаго, ничего спеціально характеризующаго страданія нашихъ молодыхъ Вертеровъ начала XX-го вѣка:

...Онъ, Токаревъ, съ глухою враждою слѣдилъ за ними съ берега.

И все прошлое, и эти люди были для него теперь страшно чужды. Что-то совершилось въ душѣ, что-то надломилось, и возврата нѣтъ. Исчезла смѣлость и презрѣніе къ опасностямъ, исчезло недуманье о завтрашнемъ днѣ. Впереди было пусто, холодно и мутно. Токареву вспомнились его недавнія мечты объ усадьбѣ, объ уютной жизни, и имъ овладѣло отвращеніе. Для чего?.. Жить, какъ всѣ живутъ, — безъ захватывающей цѣли впереди, безъ всего, что наполняетъ жизнь, что даетъ ей смыслъ и цѣну. И все яснѣе для него становилось одно: невозможно жить безъ цѣли и безъ смысла, а кто хочетъ смысла въ жизни, тотъ, — каковъ бы этотъ смыслъ ни былъ, — прежде всего долженъ быть смѣлъ, долженъ былъ готовъ отдать за него все. Кто же съ вопросомъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни сплетаетъ вопросы своего бюджета и карьеры, пусть лучше не думаетъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни... И Токареву стало стыдно за себя.

Но когда онъ почувствовалъ стыдъ, онъ возмущился. Что ему стыдиться? Что онъ сдѣлалъ плохого и какъ же ему жить? Вѣдь все, случившееся съ Варварою Васильевною, до безобразія болѣзненно и ненормально, люди остаются людьми, и нужно примириться съ этимъ. Онъ — обыкновенный сѣренькій человѣкъ и, въ качествѣ такового, все-таки имѣетъ право на жизнь, счастье и на маленькую, невидную и неопасную работу.

«Что подѣлаешь? Такъ складывается жизнь, — вспомнились ему жесткія слова Сергѣя: — либо безбоязненность полная, либо банкротъ, и иди на смарку».

Эта мысль тоже возмутила его, и онъ опять почувствовалъ ужасъ передъ тѣмъ непонятнымъ ему теперь и чуждымъ, что сдѣлало возможнымъ смерть Вари. Токаревъ отталкивалъ и не хотѣлъ признать этого непонятнаго, но оно властно стояло передъ нимъ и предъявляло требованія, которыми удовлетворить онъ былъ не въ силахъ (мартъ, стр. 60).

Если вы отбросите ту психопатическую ноту, которая тянется чрезъ всѣ эти разсужденія и свидѣтельствуетъ о желаніи еще недавно уравновѣшеннаго Токарева послѣдовать за Варварой Васильевною, то думы эти напомнятъ вамъ безчисленное множество думъ предшественниковъ Токарева, всѣхъ этихъ неблагополучныхъ россіянъ, которые вмѣсто того, чтобы бороться съ внѣшними условіями, борются со своей собственной думой, проводятъ время въ попыткахъ примирить противорѣчія слабой воли и сознанія высшаго идеала и, въ концѣ концовъ, словно скорпіонъ, убиваютъ себя же своимъ собственнымъ жаломъ самоуглубленія, самоанализа и вѣчнаго копанья въ своихъ внутренностяхъ. Г. Вересаевъ не прибавилъ ничего новаго, ничего интереснаго къ психологіи нашихъ Гамлетовъ на двугривенный. Перейдемъ же къ единственной сторонѣ повѣсти, которая заслуживаетъ того, чтобы нѣсколько остановиться на ней: это — изображеніе идейнаго броженія среди современной молодежи. Но и тутъ, какъ уже было сказано, читателю придется ограничиться разсужденіями героевъ; дѣйствіе же цѣликомъ растворяется въ намекахъ и аллегоріяхъ. Я не ставлю этого въ особую вину г. Вересаеву, потому что именно для надлежащаго и откровеннаго изображенія нашихъ общественныхъ теченій у насъ не хватаетъ благопріятныхъ для художника „независящихъ условій“. Во всякомъ случаѣ, послѣд-

няя повѣсть г. Вересаева нуждается, чтобы быть понятой большою публикою, въ нѣкоторыхъ комментаріяхъ: безъ нихъ эта сторона „На поворотѣ“—и сторона наименѣе неудачная—ясна лишь тѣмъ, кто съ жадностью и интересомъ слѣдитъ за эволюціе мысли среди активной молодежи.

Вотъ, напримѣръ, по части замѣны дѣйствія намекомъ. Компанія нашихъ молодыхъ людей, возвращаясь изъ гостей по желѣзной дорогѣ, знакомится, благодаря столкновенію между пассажирами, съ рабочимъ, токаремъ по металлу, который по своему отстаиваетъ свое человѣческое достоинство и не выноситъ, когда съ нимъ „поступаютъ неправильно“, жертвуя даже своими непосредственными интересами,—„плюя на копѣйку“, какъ выражается самъ заводскій. Таню въ такой степени восхищаетъ этотъ человѣкъ, что она сейчасъ же по приѣздѣ на станцію отправляется поближе познакомиться съ нимъ въ рабочій кварталъ, несмотря на негодованіе своего брата, и возвращается лишь

къ двѣнадцати часамъ ночи,—оживленная, радостная, съ блестящими глазами. Токаревъ былъ такъ возмущенъ, что даже не сталъ ей ничего говорить, и сидѣлъ молча, насупившійся и грустный. Таня не обращала на него вниманія (февраль, стр. 29).

Этотъ поступокъ, по мнѣнію автора, долженъ, очевидно, достаточно рисовать горячую и активную натуру Тани, которую Сергѣй характеризуетъ въ ея отсутствіе такими словами:

— Нѣтъ, ей-Богу, люблю Татьяну Николаевну. Это такой пролетарій—до мозга костей! Никакія условности для нея не писаны, ничѣмъ она не-связана, ничего ей не нужно (ibid.).

Но вѣдь читатель не авторъ и не Сергѣй: ему мало узнать, что Таня вернулась „радостная“. Ему хотѣлось бы знать причину ея радости: какіе разговоры вела она съ новымъ знакомцемъ? Какъ реагировалъ на ея рѣчь этотъ мастеровой, ставящій свое достоинство выше копѣйки? Это—вопросы, которые могутъ показаться праздными близкимъ товарищамъ Тани, хорошо знакомымъ съ нею, но которые очень интересуютъ читателя, остающагося подъ впечатлѣніемъ неудовлетворяющихъ его намековъ.

Или вотъ по части аллегоріи. Молодые люди гуляютъ въ деревнѣ. Собирается гроза. Начинается разговоръ по поводу ея и переходитъ въ общественную аллегорію:

— Эхъ, славная вещь гроза! Люблю ее,—заговорила Варвара Васильевна.—Странное она на меня производитъ впечатлѣніе: она такъ поднимаетъ, въ ней есть что-то такое увѣренное, несомнѣнное и творческое... Кажется,—здѣсь, подъ грозой, не можетъ быть никакихъ раздумій и колебаній; все, что будешь дѣлать, будетъ хорошо, нужно, и будетъ какъ разъ то, что и слѣдовало дѣлать. А какъ это хорошо,—дѣйствовать, не раздумывая, когда тебя подхватитъ и понесетъ впередъ большая, могучая сила!..

— Оно такъ теперь и есть,—сказала Таня.

Варвара Васильевна помолчала.

— Гдѣ-жъ оно есть? — возразила она. — Такъ, на минуту, намъ показалось было, что что-то есть. Но это оказалось миражемъ. Опять все замутилось, опять темно; все по обычному мелко, вяло и слабо. И нѣтъ, нѣтъ того прилива, который бы подхватилъ людей цѣликомъ, нѣтъ бодрящаго воздуха, въ которомъ бы и слабые крѣпли, и падали бы сомнѣнія, и росъ бы духъ. Дорога была найдена, но она оказалась книжною.

— Господи. «книжною»! — воскликнула Таня. — Варя, вы значить, совсѣмъ слѣпы, вы ничего не видите кругомъ!

— Я все, мнѣ кажется, вижу. Робкіе, слабые намеки на что-то... Помнится, Достоевскій говоритъ о вѣчномъ русскомъ «скитальцѣ» — интеллигентѣ и его драмѣ. Недавно казалось, что вопросъ, наконецъ, рѣшенъ, и скиталецъ перестаетъ быть скитальцемъ. Но развѣ это такъ? Конечно, сравнительно съ прежнимъ, есть разница, но разница очень небольшая: мы попрежнему остаемся царями въ области идеаловъ и безпріютными скитальцами въ жизни (январь, стр. 61—62)...

Остановимся пока здѣсь, оставляя за собою право вернуться, если нужно будетъ, къ продолженію этого разговора. Внимательный и ознакомленный съ идейными теченіями читатель схватываетъ въ концѣ концовъ смыслъ предгрозовыхъ разсужденій. Но для большой публики эта аллегорія, несмотря на естественное въ данномъ случаѣ сближеніе бездушнаго явленія природы и міра человѣческихъ страстей, останется на половину непонятою.

Наконецъ, временами намеки и недоговоренность достигаютъ такихъ размѣровъ, что и слѣдящій за эволюціей нашихъ общественныхъ идей читатель не всегда можетъ быть увѣренъ въ точномъ истолкованіи смысла рѣчей, вкладываемыхъ г. Вересаевымъ въ уста дѣйствующихъ лицъ. Вотъ, напр., споръ или, если хотите, пріятельскій диспутъ между нѣсколькими молодыми интеллигентами и слесаремъ Тимофеемъ Балуховымъ:

Рѣчь зашла объ одномъ изъ вопросовъ, горячо обсуждавшихся въ послѣднее время въ кружкахъ и дѣлившихъ единомысленныхъ недавно людей на два рѣзко-враждебныхъ лагеря. Токаревъ спросилъ Балухова, слышалъ-ли онъ объ этомъ вопросѣ и какъ къ нему относится.

— Какъ же, слышалъ, — отвѣтилъ Балуховъ. — Книжки тоже кой-какія читалъ объ этомъ... — Онъ помолчалъ. — Думается мнѣ, не съ того конца вы подходите къ дѣлу. Оно гладко пишется въ книжкахъ, логически, а только книжка, знаете, она больше по верхамъ крутится, больно много сразу захватить хочетъ. Оно то, да не то выходитъ. Смотришь въ книжку, — вотъ какіе вопросы; и въ волосы изъ-за нихъ вцѣпиться радъ всякому. А кругомъ поглядишь, — что такое? И вопросы другіе, и совсѣмъ изъ-за другого ссориться надо.

— Но, позвольте, вѣдь книжки основываются на той же жизни, на тѣхъ же жизненныхъ фактахъ, — возразилъ Сергѣй какимъ-то необычно для него тихимъ и смирнымъ голосомъ.

— Вѣрно! «Факты»... Что такое факты? Я вотъ гляжу въ окошко, вижу, лошадь упала, и говорю: «тутъ дорога склизкая, — пожалуйста, не спорьте со мною; самъ видалъ, какъ лошадь упала». А на дорогѣ этой, можетъ, пыли по щиколку, а лошадь потому упала, что нога подвернулась. Оно, видите ли, коли на факты въ окошко смотрѣть, то и факты-то оказываются фальшивыми. А изъ этихъ фактовъ здоровеннѣйшій гвоздь дѣлаютъ, да въ голову его тебѣ и вгоняютъ... Намедни встрѣтился я въ Петербургѣ съ

однимъ пріятелемъ старымъ. — Ты, спрашиваетъ, кто? — Я? (подъ густыми усами Балуева мелькнула улыбка). Али не узналъ? Слесарь Тимофей! — Нѣ-ѣтъ, я не о томъ. Ты человѣкъ какихъ взглядовъ? — Я, говорю... рабочій!

Всѣ поспѣшили громко и дружно разсмѣяться (февраль, стр. 30—31).

Что же, пожалуй, и читатель согласится присоединиться къ этому громкому и дружному смѣху. Но только изъ этихъ—да и послѣдующихъ—разсужденій слесаря Тимофея онъ врядъ-ли въ точности сообразить, о какомъ собственно изъ спорныхъ между марксистами вопросовъ идетъ рѣчь. Догадываться, конечно, можно, но ручаться за вѣрность догадки нельзя. По всей вѣроятности, слесарь Тимофей является дѣтищемъ еще столь недавно царившаго у насъ „экономическаго матеріализма“, сторонники котораго съ жаромъ внушали всѣмъ и каждому мысль, что единственная историческая задача современнаго періода состоитъ у насъ въ рѣшеніи рабочаго вопроса въ его узкомъ профессиональномъ смыслѣ и путемъ исключительно экономической борьбы за мелкія повседневныя требованія трудящихся массъ. На всѣ остальные историческія задачи „экономическій матеріализмъ“ взиралъ съ презрѣніемъ, заушая, между прочимъ, интеллигенцію именно за ея претензію предъявлять къ исторіи болѣе широкія требованія. И вотъ, когда сама жизнь заставила, наконецъ, спохватиться заднимъ числомъ „русскихъ учениковъ“ и, расколовъ ихъ на нѣсколько фракцій, сдѣлала изъ крайней лѣвой русскаго марксизма рѣшительнаго врага не только понятія, но и самаго слова „экономизмъ“, часть слесарей Тимофеевъ продолжаетъ повторять прежній урокъ (не говоримъ о другой части, у которой „экономистамъ“ не мѣшало бы поучиться болѣе широкому и активному отношенію къ общественности). Изображаемый г. Вересаевымъ слесарь именно и есть такой экономистъ, который съ удовольствіемъ подчеркиваетъ „рабочій“, профессиональный характеръ своего міровоззрѣнія и въ спорѣ съ активными марксистами бросаетъ имъ обвиненіе въ томъ, что они думаютъ слишкомъ „логически“ да по „книжкѣ“, которая, молъ, „больше по верхамъ крутится“, — подобно тому, какъ марксисты еще недавно клеймили людей, скептически относившихся къ ихъ взглядамъ, за „идеологию“ да за то, что они недостаточно смотрятъ въ экономическій корень вещей... Таковъ, надо полагать, смыслъ торжествующаго заявленія Тимофея: „ты человѣкъ какихъ взглядовъ? — Я, говорю, рабочій!“

Попробуемъ, однако, не смотря на неясности новой повѣсти г. Вересаева, извлечь изъ нея указанія на упомянутый уже процессъ броженія, происходящій нынѣ среди молодежи, и привести художественное отраженіе этого процесса въ связь съ дѣйствительной исторіей идейнаго „поворота“.

Г. Вересаевъ не могъ, конечно, пройти молчаніемъ въ совре-

менномъ „кризисѣ марксизма“, какъ принято теперь выражаться, бернштейнѣанское теченіе. Съ перваго, можно сказать, абцуга, когда авторъ устраиваетъ начальную встрѣчу своихъ героевъ, Бернштейнъ и его „критика“ являются предметомъ спора между ними. Обнаруживаются, какъ это и можно было ожидать, два лагеря, сторонники и противники новаго теченія, но съ большимъ разнообразіемъ взглядовъ въ томъ и другомъ враждующемъ станѣ. Художнику угодно было такъ распредѣлить роли, что болѣе молодые, горячіе и активные люди оказались безусловно противъ Бернштейна и его „филистерства“, тогда какъ люди, уже познакомившіеся съ жизнію и отчасти помятые ею, пытались въ этомъ спорѣ указать на перевѣсъ у Бернштейна „настоящаго, реалистическаго марксизма“ сравнительно съ ученіемъ „правовѣрнаго марксизма“. Такъ, Токаревъ и Варвара Васильевна, слабо защищая Бернштейна отъ упрековъ въ „филистерствѣ“, выдвигали не столько нравственную, сколько фактическую необходимость этого болѣе „оппортунистскаго“ и „практическаго“ направленія, разъ первоначальное ученіе утрачиваетъ свою „непримиримую чистоту“, распространяясь среди милліоновъ. Таня же дала волю своей натурѣ страстнаго фанатика, смотря на всѣхъ, кто заикался въ пользу Бернштейна, съ „суровою и негодующею враждою“, не останавливаясь передъ рѣзкостями, насмѣшками, даже „софизмами и переименованіемъ словъ противниковъ“,—какъ это обыкновенно и бываетъ съ горячими и убѣжденными, но не особенно убѣдительными адептами какого-нибудь ученія. Молодой студентикъ Вегнеръ развивалъ тоже съ точки зрѣнія ортодокса свой взглядъ на доктрину соціального оппортунизма, представляя ее результатомъ умышленнаго „фальсифицированія идеологіи враговъ“ со стороны защитниковъ современнаго строя, испугавшихся, молъ, роста его заклятыхъ противниковъ и старающихся поправками разрушить цѣльность ихъ міровоззрѣнія. Изъ изображенія г. Вересаева какъ бы выходитъ, что молодежь тянетъ теперь рѣшительно въ сторону, противоположную Бернштейну. Но, мнѣ кажется, авторъ въ данномъ случаѣ черезчуръ упростилъ картину „поворота“. Отъ него ускользнуло одно очень характерное обстоятельство, входящее составнымъ элементомъ въ идейное броженіе послѣднихъ лѣтъ.

Сама по себѣ второстепенная книга Бернштейна о „Предпосылкахъ“ *) сыграла, благодаря извѣстнымъ условіямъ, роль очень энергичнаго бродила, произведшаго сильную работу мысли среди марксистовъ всѣхъ странъ. И въ этомъ ея историческое значеніе, далеко превосходящее ея внутреннія достоинства. Въ ней,

*) Герои г. Вересаева говорятъ, очевидно, только о ней: послѣдуемъ и мы ихъ примѣру, хотя Бернштейнъ успѣлъ за это время издать еще новую книгу, сборникъ своихъ статей, какъ прежнихъ ортодоксальныхъ, такъ и послѣдующихъ полуортодоксальныхъ и наконецъ «критическихъ».

дѣйствительно, есть сторона, представляющая собой болѣе или менѣе прямой плагиатъ буржуазныхъ банальностей и общихъ мѣстъ; и это-то, кстати сказать, и придаетъ ей столь сильный „филистерскій“ привкусъ *). Но въ ней есть и сторона, воспроизводящая критику, уже давно обращаемую далеко не буржуазными мыслителями противъ преувеличеній „экономическаго материализма“, или того ученія, которое исторически развилось изъ кой-какихъ общихъ положеній Маркса и Энгельса и вынудило первого говорить: „нѣтъ, я то ужъ не марксистъ“, а второго укоризненно качать головою надъ „странными вещами“, измышлявшимися „нѣкоторыми недавними марксистами“. Есть, наконецъ, въ книжкѣ Бернштейна еще и третья сторона; и эта сторона состоитъ уже не въ критикѣ, а, наоборотъ, въ усиленномъ подчеркиваніи нѣкоторыхъ другихъ односторонностей марксизма, которыя, будучи оторваны отъ общаго ансамбля ученія, позволяютъ Бернштейну истолковывать ихъ исключительно въ желательномъ ему умѣренномъ и аккуратномъ смыслѣ.

И вотъ эта-то амальгама различныхъ элементовъ, заключенныхъ въ „Предпосылкахъ“, и объясняетъ тотъ процессъ броженія, который книжка бывшаго редактора „Соціально-демократа“ произвела среди заграничныхъ и русскійскихъ марксистовъ. Однихъ эта вещь крайне обрадовала и заставила съ необыкновеннымъ рвеніемъ проявить глубоко мѣщанскій характеръ своихъ взглядовъ и чувствованій, еще недавно скрывавшихся подъ формальною покрывкою „научнаго социализма“. И теорія „притупленія“ (Abstumpfung) социальныхъ противорѣчій, „выдалбливанія“ (Aushöhlung) капиталистическаго строя медленной и постепенной работою организующагося пролетаріата, вступающаго въ постоянный союзъ съ буржуазными партіями,—эта теорія пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу людямъ, отказывающимся отъ активной дѣятельности. Другихъ, болѣе живыхъ, болѣе прямолинейныхъ, но слишкомъ склонныхъ къ доктринерству „учениковъ“ книжка заставила задуматься надъ чрезчуръ одностороннимъ характеромъ марксистской философіи исторіи и признать, болѣе чѣмъ это допускалось обычно ими, значеніе коллективной психологіи, дотолѣ чрезчуръ отодвигавшейся у нихъ на задній планъ передъ процессомъ экономическаго производства. Третьихъ, наконецъ, составлявшихъ большинство въ марксистскомъ лагерѣ и занимавшихъ промежуточное положеніе между тайными буржуа и наиболѣе активными натурами, этихъ третьихъ Бернштейнъ заставилъ встрях-

*) Даже наши волки реакціи, у которыхъ, какъ у заправскаго волка, была лишь одна пѣсня, подновили теперь свой репертуаръ при помощи «извѣстнаго социолога» Бернштейна и справляютъ теперь, опираясь на его авторитетъ, побѣду надъ «свергнутымъ культомъ» (Марксомъ) въ безконечныхъ статьяхъ гг. Вороновыхъ, Знаменскихъ и прочихъ столповъ «Московскихъ Вѣдомостей».

нутъся и къ ужасу своему найти, что на практикѣ они слишкомъ часто шли по пути той самой умѣренной и аккуратной дѣятельности, которую авторъ „Предпосылокъ“ стремился теперь возвести въ принципъ. Бернштейнъ послужилъ имъ зеркаломъ, въ которомъ они увидѣли свою настоящую фizioномію и вмѣстѣ свою будущую судьбу; и они, вступивъ въ борьбу съ авторомъ „Предпосылокъ“, въ сущности съ ожесточеніемъ возставали противъ самихъ себя, каковыми они были еще въ недавнемъ прошломъ, и, бичуя „оппортунизмъ“ Бернштейна, осуждали свою же недавнюю дѣятельность. Стоить только вспомнить, съ какою, напр., запальчивостью „бланкизмъ“ подвергался осужденію въ лагерѣ учениковъ во имя естественной эволюціи; и надо было Бернштейну преусердно заняться въ своей книгѣ вытравленіемъ изъ ученія Маркса „бланкистскихъ предразсудковъ“, чтобы сторонники „естественнаго хода вещей“ возстали противъ этого оскоспленія человѣческой исторіи *ad usum Delphini* и провозгласили,—и теоретически принялись оправдывать,—необходимость активного вмѣшательства въ общественный процессъ.

Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что книга Бернштейна была еще болѣе симптомомъ, чѣмъ агентомъ броженія въ лагерѣ учениковъ, и что къ книжнымъ урокамъ здѣсь присоединила свои вѣскіе аргументы сама жизнь. Недаромъ въ опубликованной недавно перепискѣ Лассаля съ Марксомъ—будущій крупнѣйшій дѣятель Германіи замѣчаетъ: „еще никогда апатія не побѣждалась чисто теоретическимъ путемъ“. Насъ, русскихъ, въ частности научилъ болѣе живому, менѣе доктринерскому отношенію къ дѣйствительности тотъ самый „естественный ходъ вещей“, который еще такъ недавно,—но, къ сожалѣнію, лишь на словахъ и исклю- чительно подъ марксистскимъ угломъ зрѣнія—являлся высшею инстанціею при обсужденіи вопросовъ о тактикѣ участія въ исторической жизни. Самъ этотъ „ходъ вещей“, говорю я, встрѣтилъ прогрессивную интеллигенцію нашу такими, выражаясь фигурально, дреколями, что поневолѣ здоровый организмъ сталъ реагировать на эти жизненные сюрпризы, и могучій аффектъ разбилъ скорлупу догматизма. Еще недавно было бы немыслимо быть свидѣтелемъ вотъ хоть слѣдующаго спора, который герои г. Вересаева ведутъ въ упомянутой уже сценѣ ожиданія грозы. Говоритъ Варвара Васильевна:

И вотъ возникаютъ вопросы: идти на два или на десять шаговъ впередъ? Сами эти вопросы подлы, подлы до самой сути, они оскорбительны для меня и ставятъ меня въ фальшивое положеніе: я не могу отречься отъ самой себя. Но то,—могучее, стихійное—оно меня не признаетъ, а во мнѣ нѣтъ силы, я — ничто, если не захочу признать этого стихійнаго и его стихійности.

— Чортъ знаетъ, что такое!—возмутилась Таня.—Вотъ такъ вопросы! На два, на десять шаговъ впередъ? Что мнѣ за дѣло до этого? Я хочу идти полнымъ шагомъ, и плевать мнѣ на все и на всѣхъ! Кто отстанетъ,—догоняй, а

эдакъ какъ начнутъ всё одинъ къ другому принаравливаться, то всё и будутъ топтаться на мѣстѣ!

— Bravo, Татьяна Николаевна! — въ восторгѣ воскликнулъ Сергѣй. — Вотъ! Вотъ это самое и есть! Все стихійность, стихійность... Еще новый богъ какой-то, передъ которымъ извольте преклоняться! На себя нужно рассчитывать, а не на стихійность! Стану я себя отрицать, какъ же! Чорта съ два!.. Смѣлѣе нужно быть, нужно идти на свой собственный рискъ и полагаться на свои собственные силы, — только! Будь она проклята, эта стихійность!

— Вѣрно, вѣрно! — согласился и Борисоглѣбскій. — Что она мнѣ за указъ, стихійность эта? Злость у меня есть тутъ здоровенная (онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь), — ну и ладно! Больше мнѣ ничего не нужно!

— Ну, и тѣшьте въ такомъ случаѣ бирюлками, гарцуйте съ своею злостью въ безвоздушномъ пространствѣ! — ворчливо произнесъ Шеметовъ. — А я не понимаю и не признаю, что подлаго въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ говоритъ Варвара Васильевна. Да, весь вопросъ именно въ томъ, — на два или на десять шаговъ впередъ! Для меня стихійность только и дорога, самый важный, самый главный вопросъ, — какъ къ ней примкнуть. А вы, кучка гарцующихъ, и будете себѣ гарцовать, пока, совершенно независимо отъ васъ, къ вамъ подойдутъ тѣ... Вы сколько ужъ времени, — тридцать, сорокъ лѣтъ гарцуете (январь, стр. 62—63).

Вы видите, что между „учениками“, связанными, повидимому, еще недавно единствомъ формулы, идутъ теперь такіе споры, которые ясно указываютъ, что возрождается міровоззрѣніе рубежа 70-хъ и 80-хъ годовъ, міровоззрѣніе, еще недавно осмѣивавшееся нашими марксистами въ стихахъ и прозѣ. Потому что, согласитесь, приглашеніе „на себя рассчитывать, а не на стихійность“, „смѣлѣе быть“, „идти на свой собственный рискъ и полагаться на свои собственные силы“; проклятiе „стихійности“ и насмѣшки надъ этимъ „новымъ богомъ какимъ-то, передъ которымъ извольте преклоняться“; апеллированіе къ „злости“, которой стихійность „не указъ“ и кромѣ которой „больше ничего не нужно“ по нынѣшнимъ временамъ, — какъ восклицаетъ одинъ изъ молодыхъ людей, — все это крайне непохоже на недавнее прославленіе „учениками“ чудодѣйственныхъ свойствъ фатальнаго хода вещей и фификанье надъ „критическою личностью“. Но все это напоминаетъ — и, если хотите, напоминаетъ даже съ нѣкоторымъ наивнымъ преувеличеніемъ, которое свойственно пылкимъ и очень молодымъ натурамъ вродѣ Тани или Сергѣя — активное отношеніе къ прогрессу „семидесятниковъ“. Говорю „нѣкоторымъ наивнымъ преувеличеніемъ“ потому, что люди 70-хъ годовъ нисколько, въ сущности, не отрицали „стихійности“, какъ основной почвы своей дѣятельности, но, наоборотъ, глубоко вѣрили въ то, что они являются сознательными истолкователями и упредителями процесса общественнаго развитія. Человѣкъ и организація личностей черпали свою силу именно въ сознаніи своей кровной связи съ родною „стихійностью“ и своей исторической роли выразителей общенародныхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, активный марксистъ въ значительной степени, какъ мы видимъ,

...сжегъ то, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигалъ;— и является еще вопросъ, можетъ-ли онъ, разъ ступивъ на путь этой эволюціи, сохранить вообще типичныя черты русскихъ „учениковъ“ и самое названіе марксиста.

Но не заходя даже въ будущее, прислушиваясь къ спорамъ, которые ведутся марксистами, не отказывающимися отъ признанія крупнаго значенія за „стихійностью“,—а въ работѣ среди „стихійности“ и заключается единственная заслуга русскаго марксизма,—мы находимъ и здѣсь рѣзкія противоположности во взглядахъ, именно по вопросу о характерѣ воздѣйствія на „стихійность“. „Идти на два или на десять шаговъ впередъ“ ея является не столько простой психологической дилеммой, которую ставитъ себѣ каждый отдѣльный „ученикъ“ нашихъ дней, сколько предметомъ ожесточенныхъ распрей, которыя передѣлили весь лагерь русскихъ марксистовъ на двѣ враждующія фракціи.

Но упомянутыя нѣсколько выше дреколья „естественнаго хода вещей“ все болѣе и болѣе вносятъ свою вѣскую аргументацію, свои *argumenta baculina*, въ распрю между сторонниками „двухъ шаговъ“ и сторонниками „десяти шаговъ“ и заставляютъ „экономистовъ“ подтягиваться и съ жаромъ отбрасывать отъ себя обвиненіе въ бернштейнѣизмѣ и тихоходствѣ, такъ что со стороны эта междоусобная война представляется все болѣе и болѣе лишенною внутренняго смысла и выражающею лишь общее возвращеніе интеллигенціи къ міровоззрѣнію 70-хъ годовъ...

Поблагодаримъ же г. Вересаева за то, что его не особенно удавшаяся экскурсія въ область художественности дала намъ возможность констатировать этотъ утѣшительный общественный фактъ.

Не замѣчаемъ-ли мы слѣдовъ тоже какого-нибудь „поворота“ въ міровоззрѣніи русскихъ людей подъ перомъ г. Боборыкина? Извѣстно, что даже тѣ читатели, которые умѣренно восхищаются художественными достоинствами нашего плодовитаго беллетриста, слѣдятъ не безъ любопытства за попытками этого автора „улавливать вѣянія“, „схватывать моментъ“ и воспроизводить идейныя и даже чисто внѣшнія новинки въ своихъ произведеніяхъ. На сей разъ г. Боборыкинъ даетъ намъ сразу двѣ вещи: повѣсть „Все прилично“ въ январьской и февральской книжкахъ „Русской Мысли“ и повѣсть же „Исповѣдники“, еще не конченную въ трехъ первыхъ номерахъ „Вѣстника Европы“. Понятно, съ какимъ любопытствомъ принимаешься за г. Боборыкина въ настоящій моментъ, когда различныя теченія начинаютъ проявляться въ Россіи съ гораздо болѣею напряженностью, чѣмъ то было всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но читателемъ, къ сожалѣнію, скоро овладѣваетъ разочарованіе, такъ какъ оба послѣднія произведенія—въ особенности же „Исповѣдники“—не отличаются особою

живостью и интересомъ. И при этомъ „Все прилично“ лучше въ художественномъ отношеніи, но довольно неглубоко по содержанію; „Исповѣдники“ же затрогиваютъ болѣе серьезный сюжетъ, но по обработкѣ типовъ и положеній уступаютъ обычнымъ вещамъ г. Боборыкина, которому, какъ извѣстно, нельзя отказать въ искусной литературной technikѣ.

„Все прилично“ изображаетъ чисто личную драму въ одной изъ фешіонебельныхъ московскихъ семей, состоящей изъ тройственного и давнишняго союза мужа, жены и друга дома и двухъ взрослыхъ дѣтей: сына отъ этого друга, и дочери отъ законнаго мужа. Завязка состоитъ въ томъ, что сынъ, порядочный и довольно серьезный молодой человѣкъ, которому, порою, бывало душно въ своей „приличной“ семьѣ,—цѣлыми годами держащейся на упомянутомъ тройственномъ сожителствѣ, извѣстномъ не только членамъ самой семьи, но и „всей Москвѣ“,—что этотъ молодой человѣкъ слышитъ обидный отзывъ о своей матери отъ одного подвыпившаго юнкера, вызываетъ его на дуэль и раненъ. Нравственные мученія пострадавшаго усиливаются еще его безпрестанными думами о своемъ положеніи и преслѣдующей его, словно кошмаръ, мыслию, ужъ не сынъ-ли онъ антипатичнаго ему друга дома. Его физическое сходство съ послѣднимъ, страстное безпокойство этого нелюбимаго имъ человѣка у изголовья раненаго, безпокойство, контрастирующее съ „корректнымъ“ участіемъ отца,—все это подтверждаетъ истинность мучительной для сознанія юноши гипотезы. А между законнымъ отцомъ и отцомъ фактическимъ происходитъ даже по этому поводу разговоръ, изъ котораго еще рѣзче обрисовывается двусмысленная роль главы семейства, который уже давно не только смотритъ сквозь пальцы на отношенія между женой и своимъ другомъ, но даже очень доволенъ этой комбинаціей, лишь бы супруга въ свою очередь закрывала глаза на его любовныя изменныя исторіи, а другъ помогалъ бы благополучію дома своимъ крупнѣйшимъ состояніемъ. И все это происходитъ какъ нельзя болѣе „прилично“; и все это принимается за нѣчто должное, почти рутинно-обязательное и самую мать, сохранившеюся красавицею, до сихъ поръ безраздѣльно владѣющею сердцемъ своего и мужняго друга, и даже дочерью, изъ молодыхъ да ранней и практичной дѣвицею.

Что касается до развязки, — которая интереснѣе завязки и значительно скрашиваетъ повѣсть, являющуюся въ началѣ очень банальнымъ трактованіемъ стараго-престарого сюжета о мужѣ, женѣ и любовникѣ,—то мнѣ нравится, что авторъ привелъ разыгравшуюся семейную драму не къ театральному трагическому концу съ громкимъ скандаломъ, револьверомъ и прочими полагающимися въ этомъ случаѣ ужасами и смертями, а къ концу болѣе простому, житейскому, почти, если можно такъ выразиться, нѣтовому. Изъ пяти участвующихъ въ этой коллизіи лицъ трое—

мужъ, жена и дочь—употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы дѣло кончилось мирно, и трехатомная семейная молекула, составляющая ядро хозяйственной устойчивости всего союза, обладала попрежнему достаточнымъ химическимъ сродствомъ душъ, аппетитовъ и матеріальныхъ благъ. Двое остальныхъ — другъ дома и его незаконный сынъ—хотѣли бы, наоборотъ, разрушить прежнюю комбинацію, и разрушить каждый по своему, но съ тою одинаковою цѣлію, чтобы замѣнить условную ложь правдой и внѣшнее приличіе искренностью отношеній. Послѣ борьбы и всевозможныхъ попытокъ устроить жизнь иначе, наиболѣе центробѣжный, наиболѣе протестующій элементъ—сынъ — какъ и подobaетъ, вытѣсненъ изъ сочетанія.

Другъ дома хотѣлъ было предложить искренно любимой имъ женщинѣ и своему сыну основать на сторонѣ настоящую семью. Но, встрѣтившись съ рѣшительнымъ сопротивленіемъ участниковъ стараго фамиліаго союза и видя, какую массу огорченій, непріятностей, неудобствъ причинить большинству заинтересованныхъ новая комбинація, онъ отказывается отъ такого для него слишкомъ героическаго плана. И вотъ, запутанный узелъ отношеній разрубленъ сыномъ, который уходитъ изъ легальной семьи, гдѣ „все прилично“, но не желаетъ жить и на счетъ все болѣе и болѣе страстно любящаго его отца, а рѣшается существовать своимъ собственнымъ трудомъ и ѣсть свой собственный хлѣбъ, прося отца дать ему пока лишь незначительную сумму денегъ, чтобы кончить курсъ и перестать быть паразитомъ. Авторъ кончаетъ на этомъ свое повѣствованіе, предоставляя самому читателю угадать, какая жизнь пойдетъ отнынѣ въ семьѣ, освободившейся отъ беспокойнаго члена. Не трудно, впрочемъ, угадать, что наиболѣе счастливыми и лучше сплѣвшимися окажутся уже упомянутые выше три консервативные элемента, отецъ, мать и законная дочь, такъ какъ друга дома будетъ, вѣроятно, тянуть къ ушедшему сыну...

Уже въ предѣлахъ повѣсти г. Боборыкинъ не безъ искусства обрисовалъ трагикомическую роль и страданія фактическаго отца, котораго всѣ эти трое прекрасно уживающіяся лица увѣщываютъ каждое по своему не дѣлать скандала, не затѣвать ломки установившихся отношеній, а, главное, не проявлять чрезмѣрной и романтически-смѣшной любви къ сыну, которому, молъ, это только вредитъ при его выздоровленіи. Обречь на наибольшія мученія человѣка, представляющаго, согласно классической формулѣ адюльтера, какъ разъ „наиболѣе счастливаго изъ трехъ“—идея если не совершенно новая, то и не совсѣмъ захватанная. Заставить, же его страдать изъ-за любви къ сыну, котораго, наоборотъ коробитъ эта ложь отношеній и который лишь подъ самый конецъ смѣняетъ чувство антипатіи на расположеніе къ

своему отцу, это еще болѣе подчеркиваетъ смѣшную и въ то же время глубоко печальную роль этого „третьяго“.

Недурно также изображенъ г. Боборыкинымъ тотъ мучительный душевный процессъ, путемъ котораго сынъ приходитъ отъ нежеланія пользоваться комфортомъ въ построенной на лжи и чужой помощи семьѣ къ отвращенію отъ жизни паразита вообще. Въ этомъ смыслѣ сцена, въ которой нашъ юноша изливаетъ нахлынувшія на него новыя чувства своему знакомому, не лишена нѣкотораго искренняго патетизма. Я приведу лишь одно мѣсто изъ этого разговора (въ этой цитатѣ начинается знакомый нашего молодого человѣка):

— ...Одно изъ двухъ, Павликъ: или ты признаешь науку и ея мѣсто, или ты отвергаешь ее...

— При чемъ тутъ наука?—остановилъ Павелъ.

— Какъ при чемъ? Она устанавливаетъ законы развитія общества. Это — социологія. Надѣюсь, ты ее не отрицаешь? Въ развитіи общества намѣчаются законы. Былъ когда-то матриархатъ, была полиандрія... было рабство, были средневѣковые цехи, и такъ далѣе, и такъ далѣе. И теперь общество не топчется на одномъ мѣстѣ, оно эволюционируетъ... Въ немъ есть разныя пережитки. Собственность, право наслѣдства — еще не отжившіе принципы. Можетъ быть, они падутъ; но ничего нельзя сдѣлать однимъ протестомъ, однимъ призывомъ къ уничтоженію всего, что не аскетическій идеалъ!

Павелъ прослушалъ эту тираду съ полузакрытыми глазами.

— Извини. Я все это знаю. Не отвергаю я и выводовъ науки. Но развѣ то, что во мнѣ, и въ сотнѣ, и въ тысячѣ личностей, на Западѣ и у насъ, возмущено режимомъ жизни на даровщину, на чужой трудъ, или хищничествомъ, жадной барышей, безстыдными спекуляціями, наслѣдственными правами, которыя плодятъ шелопаевъ и прохвостовъ, развѣ все это возмущеніе само по себѣ тоже не моментъ эволюціи общества, а?

— Надо знать какой! Преходящій или дѣйствительно двигательный?

— Ты этого одинъ не рѣшишь, Ёздоковъ, но я знаю, что мое возмущеніе основано не на вздорномъ чувствѣ, а на признаніи основного закона всякаго общества: коли не поработаешь, то и не поѣшь. Разъ ты одинъ проѣдаешь и проигрываешь трудовыя сотни тысячъ, ты презрѣнный паразитъ! Это элементарно, но вотъ видишь: это «буки-азъ-ба» стало и меня гвоздить только въ недавнее время, не больше года назадъ... когда выводъ уже перешелъ въ потребность души. И я буду презрѣннѣе послѣдняго игрошишки на Ходынскомъ скаковомъ ипподромѣ, если я удовольствуюсь только одними словесными протестами!

Ёздоковъ ничего не возразилъ. Онъ закуривалъ новую папиросу.

— Нужды нѣтъ,—продолжалъ Павелъ,—что это, какъ ты назвалъ «une palissade» (une lapalissade, г. Боборыкинъ? В. П.), избитое общее мѣсто. Но прежде я мирился съ такимъ торжествомъ бездѣльничества!

— Слишкомъ ужъ сильно, братецъ!

— Извини! Я не буду употреблять сильныхъ словъ! Пускай живутъ, какъ хотятъ, но потакать такой жизни я не буду. Я не толстовецъ! Непротивленія не признаю. Напротивъ, вѣрю, что безъ противленія ничто не рухнетъ изъ того, чему слѣдуетъ рухнуть (февраль, стр. 41—42).

Подводя итоги общему впечатлѣнію отъ повѣсти, нельзя не сказать, что самая банальность сюжета, самая всеобщность его сильно затрудняла возможность вполне удовлетворительнаго вы-

полненія задуманнаго авторомъ плана. Вѣдь, мы имѣемъ здѣсь дѣло ни много ни мало какъ съ классической задачей семейной механики о „взаимодѣйствіи трехъ тѣлъ“. Сколько уже разъ, дѣйствительно, разсматривался во всевозможныхъ комбинаціяхъ вопросъ о мужѣ, женѣ и любовникѣ! И сколько можно было бы найти литературныхъ прецедентовъ даже для нѣкоторыхъ усложненій, которыя г. Боборыкинъ вводитъ въ свое трактованье упомянутой задачи! Развѣ, напр., мучительныя исканія сыномъ своего кровнаго родства не напоминаютъ темы, развитой Гюи-де-Мопассаномъ въ его „Пьеръ и Жанъ“? Съ другой стороны, г. Боборыкинъ, конечно, не Шекспиръ, чтобы превратить волшебствомъ геніальнаго творчества частный случай въ типичный общечеловѣческій или, какъ принято говорить, „вѣчный“ конфликтъ и такимъ образомъ избѣжать неудобствъ новой обработки чрезвычайно избитаго сюжета. Во всякомъ разѣ г. Боборыкинъ довольно искусной обрисовкой дѣйствующихъ лицъ своей драмы и кой-какими не совсѣмъ заѣзженными приѣмами, на которые мы указали раньше, достигъ того, что его повѣсть прочтется безъ скуки, хотя и не возбудитъ въ читателѣ значительнаго интереса.

„Исповѣдники“, сказалъ я, затрогиваютъ болѣе интересную тему: въ этомъ произведеніи г. Боборыкинъ пытается изобразить одно изъ современныхъ теченій, а именно потребность живого религіознаго убѣжденія, отвращающагося отъ богословскаго формализма и жадно ищущаго свободы совѣсти. Дѣйствительно, затрогивая мимоходомъ адептовъ эстетическаго декадентства, а отчасти и сторонниковъ „феминистскаго“ движенія, г. Боборыкинъ главнымъ образомъ рисуетъ различные типы ищущихъ вѣры, вербующихся не только среди интеллигенціи, но и среди народа. Не мѣшаетъ при этомъ отмѣтить, что въ изображеніи нашего автора „исповѣдники“ этой послѣдней категоріи поражаютъ своимъ крайне серьезнымъ отношеніемъ къ вопросамъ религіознаго міровоззрѣнія, тогда какъ лишь немногіе изъ интеллигентовъ равняются съ ними по напряженности этого исканія вѣры, а нѣкоторые изъ наиболѣе симпатичныхъ представителей интеллигенціи, выводимыхъ г. Боборыкинымъ, берутъ на себя роль лишь защитниковъ преслѣдуемаго стана ревнителей духовной истины изъ народа.

Было бы интересно, впрочемъ, знать, насколько подмѣченное г. Боборыкинымъ усиленіе религіознаго элемента можетъ считаться достаточно типичнымъ явленіемъ современной эпохи. У насъ въ народѣ не было никогда недостатка въ религіозномъ правдоискательствѣ. Но въ большинствѣ случаевъ отказъ отъ одной традиціи сопровождался прилѣпленіемъ къ другой,—правда, гонимой,—традиціи. Лишь въ немногихъ раціоналистическихъ теченіяхъ „поклоненіе въ духъ и истинѣ“ отодвигало на задній

планъ рутинныя формы религіознаго убѣжденія. Что касается до настоящаго времени, то *à priori* можно, конечно, предположить, что общій культурный прогрессъ страны, не смотря на всю его мучительную медленность, успѣлъ усилить въ народѣ пропорцію народной же интеллигенціи и, значитъ, предрасположилъ население къ болѣе живому занятію вопросами вѣры, которая на низшихъ ступеняхъ развитія является подготовленіемъ философской и научной мысли. Но именно желательно было бы знать, насколько факты нашей жизни оправдываютъ такое общее заключеніе.

Наша общественная хроника указываетъ, правда, на кой-какія явленія, свидѣтельствующія какъ будто объ усиленіи процесса религіознаго исканія. Было бы хорошо, однако, провѣрить распространенность этого процесса; и дѣло чуткаго беллетриста схватить его по возможности въ настоящемъ значеніи, не преувеличивая и не преуменьшая его силы. Вамъ, дѣйствительно, невольно приходитъ въ голову мысль, что если Прудонъ считалъ французскій народъ „глубоко практичнымъ“ (*éminement pratique*), то такая оцѣнка можетъ быть сдѣлана русскимъ наблюдателемъ по отношенію къ русскому народу. Недаромъ Бѣлинскій въ столь часто цитируемомъ теперь письмѣ къ Гоголю приводитъ народную поговорку: годится—молиться, не годится—горшки накрывать; и вотъ задаешься вопросомъ, не избѣгнетъ-ли нашъ народъ,—именно благодаря практичности и трезвости своего мышленія,—черезчуръ сильнаго увлеченія промежуточнымъ метафизическимъ міровоззрѣніемъ, и не переходитъ-ли уже онъ отъ традиціонныхъ, чисто формальныхъ представленій къ реальному взгляду на жизнь и жизненныя задачи.

Остается другой элементъ, занятый религіознымъ правдоискательствомъ; это—нѣкоторая часть нашей интеллигенціи. Но и здѣсь возникаетъ вопросъ, какъ долго можетъ продлиться сидѣнье ея, выражаясь словами философской эпиграммы Фейербаха, „въ клѣткѣ теологіи“, въ которой лишь и могутъ возникать всевозможныя „загадки“, исчезающія тотчасъ же, какъ только люди выходятъ на просторъ широкаго міра божія. Помните:

Räthsel findest Du nur im Käfig der Gottesgelahrtheit;
Geh in die offene Welt; dann sind Dir alle gelöst.

Съ одной стороны, наше интеллигентное сектантство,—скажемъ, хоть бы толстовство, — является отголоскомъ прежней общественной реакціи, и съ пробужденіемъ живыхъ прогрессивныхъ силъ должно быстро отмереть. Съ другой стороны, оно въ близкомъ родствѣ съ недавнимъ метафизическимъ увлеченіемъ, которое захватило, между прочимъ, часть „русскихъ учениковъ“ изъ лагеря „критиковъ“. Но и тутъ, кажется, дни искренней формы—не говорю, модной—этого увлеченія сочтены. Всѣ эти „интеллигибельности“ и прочія „гибельности“ навѣяны, подобно

декадентству, западной Европой, которая может заниматься разными утонченностями пресыщенной многовѣковой цивилизації, тогда какъ насъ обступаетъ теперь цѣлая чаша крайне существенныхъ нерѣшенныхъ вопросовъ, надъ которыми предстоитъ не мало работы нашей „критикѣ практическаго разума“.

Процессъ живого общественнаго творчества положить скоро конецъ супранатуралистическому правдоискательству вмѣстѣ съ неокантіанской метафизикой романтическихъ юношей во вкусѣ г. Бердяева: намъ стоитъ только подождать, чтобы они выпалились и оставили область философическихъ сновъ ради міра дѣйствительности. Не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь кстати слѣдующихъ соображеній самого Канта, который словно провидѣлъ своихъ метафизическихъ продолжателей, съ чувствомъ распространяющихся о „вѣчности“ и „безсмертномъ Добрѣ“, и „неувядающей Красотѣ“, и „трансцендентальной Истинѣ“:

Аристотель говоритъ гдѣ-то: когда мы бодрствуемъ, то у насъ есть общій всѣмъ намъ міръ; а когда спимъ, то у каждого свой. Мнѣ думается, что слѣдовало бы перевернуть послѣднее положеніе и сказать: если у каждого изъ различныхъ людей существуетъ свой собственный міръ, то должно предполагать, что всѣ они грезятъ во снѣ. Такимъ образомъ, если мы наблюдаемъ воздушныхъ строителей (Luftbaumeister) различныхъ мысленныхъ міровъ, изъ которыхъ каждый преспокойно обитаетъ лишь въ своемъ собственномъ мірѣ, за выключеніемъ другихъ... то при такомъ противорѣчій ихъ видѣній мы потерпимъ, пока эти господа очнутся отъ своихъ сновъ. Ибо разъ они, дасть Богъ, придутъ въ совершенно бодрствующее состояніе, т. е. откроютъ глаза для взора, не противорѣчащаго разсудку другихъ людей, то и никто изъ нихъ не будетъ видѣть чего-нибудь, что не являлось бы съ очевидностью и достовѣрностью и всѣмъ другимъ, а въ то же самое время философы станутъ обитать уже въ общемъ мірѣ...

Итакъ, значить, терпѣніе: пока доброй ночи и пріятнаго сна, гг. мистическіе и метафизическіе мечтатели! Наступающій разсвѣтъ прогонитъ ваши призраки, а дню, какъ извѣстно, довлѣетъ своя реальная, а не мистическая „злоба“. Во всякомъ случаѣ послѣдняя повѣсть г. Боборыкина осталась бы интереснымъ памятникомъ извѣстныхъ стремленій въ интеллигенціи и самомъ народѣ, если бы „Исповѣдники“ не грѣшили большою тусклостью изображенія. Г. Боборыкина уже нѣсколько разъ упрекали въ томъ, что, „ловя моментъ“, онъ часто ловитъ его не столько непосредственно въ самой жизни, сколько сквозь призму уже разъ уловленныхъ прессою явленій въ формѣ газетныхъ новостей, судебныхъ отчетовъ и т. п. Этотъ упрекъ критика можетъ во всякомъ случаѣ сдѣлать по отношенію къ „Исповѣдникамъ“, гдѣ большинство дѣйствующихъ лицъ гораздо менѣе наблюденно, чѣмъ вычитано авторомъ, даже просто внушено ему всѣмъ извѣстными фактами нашей жизни, отмѣченными газетной и журнальной хроникой за послѣдніе мѣсяцы. Книжному, вычитанному изъ печати и навѣянному печатью характеру героевъ не въ силахъ по

мочь и обычная конкретизирующая манера писанія г. Боборыкина, съ любовью и тщательностію выписывающаго внѣшнія черты своихъ персонажей и ихъ обстановки: всѣ эти „пушистыя рѣсницы“ и „бархатистые волосы“ съ „ондуляціей“ и безъ оной, „свѣжіе кители“ и „бирюзовые околыши“, „грудные голоса съ контральтовыми нотами“ и голоса „картавые и вздрагивающіе“, галстуки, трости, зонтики, „стильную“ и старомодную мебель, и т. д. и до безконечности и т. д.

Да, въ сущности, и сама книжная подготовка автора къ своему сюжету была, очевидно, сдѣлана кое-какъ, на скорую руку, скользила лишь по поверхности и удовлетворялась простыми словами вродѣ „баптисты“, „молоканы“. Пусть, напр., читатель попробуетъ хотя бы составить себѣ понятіе о разницѣ идейныхъ и психологическихъ типовъ какъ разъ этихъ двухъ сектъ по изображенію нашего „уловителя“. Авторъ словно нарочно подвергъ себя такому нелегкому экзамену, заставивъ своихъ интеллигентовъ побывать на двухъ моленіяхъ сейчасъ же слѣдомъ и сопоставивъ такимъ образомъ на какой-нибудь полдюжинѣ страницъ (февраль, стр. 540—545) двѣ различныя сектантскія общины. Смѣю увѣрить, что и самый внимательный читатель не разберется путемъ въ разницѣ двухъ правдоискательствъ. И, говоря такъ, я не ученаго трактата отъ автора требую, но указываю именно на отсутствіе художественно схваченной особенности двухъ типовъ религіозной мысли. А между тѣмъ авторъ нѣсколько разъ подходитъ къ установленію этого различія, да такъ и остается при подходахъ: „Библия въ дорогомъ сафьянномъ переплетѣ“, „частые переливы“ духовныхъ гимновъ и даже „чистопѣсенный пошибъ“ ихъ, „молитвы своими словами“, „рыжеватая борода“, „серьги въ ухѣ“,—всѣ эти детали, касающіяся и того, и другого собранія, ускользаютъ, конечно, изъ памяти читателя. А по части „души“, внутренней стороны двухъ родственныхъ, но все же различныхъ теченій г. Боборыкинъ дѣлится съ нами вотъ какими наблюденіями. Впечатлѣніе отъ одного собранія:

Костровинъ слушалъ, полузакрывъ глаза. Его слишкомъ чуткіе нервы эта непрерывная мелодія захватила. Въ ней не было ничего умышленно-мистическаго, говорящаго объ извѣстномъ служеніи, о ритуалѣ и культѣ. Это была настоящая народная пѣсня, въ которой запросы души то скорбной, то чающей умиротворенія, проявлялись въ переливахъ колеблющихся звуковъ (стр. 541).

А вотъ впечатлѣніе отъ другого:

Этотъ возгласъ «Господи» раздавался среди большой тишины и видимо дѣйствовалъ на слушателей. Въ него Наумъ вкладывалъ всю свою тихую страсть и трепетное упованіе въ заступничество Того, кто умиралъ на крестѣ. И не было тутъ того упирания въ одну точку, въ ученіе о благодати, которое Костровинъ слышалъ въ Петербургѣ. Потребность добра, дѣятельной любви, дѣла слышалась въ этихъ молитвенныхъ призывахъ. Тутъ опять-таки сказыв-

вался народный духъ проповѣди подвиговъ милосердія и всепрощенія ближнему—нужды нѣтъ, что самый ритуаль собранія былъ не русскаго происхожденія (стр. 545).

Я думаю, эти характеристики можно перемѣстить, и за исключеніемъ одного-двухъ словъ все, чѣмъ отмѣчаетъ г. Боборыкинъ молоканъ, можетъ быть въ его повѣсти приурочено къ баптистамъ, и обратно. А между тѣмъ изъ-за чего же нибудь изображаемый имъ Наумъ отдѣлился отъ молоканской общины и сталъ „старѣйшимъ“ въ общинѣ баптистовъ. Очевидно, знанія г. Боборыкина по части современнаго сектантства не превосходятъ знаній хотя бы почтеннаго Д. Л. Мордовцева, которому недавно г-жа Ясевичъ принуждена была прочитатъ коротенькую лекцію насчетъ южно-русскаго раскола въ видѣ письма въ „Новое Время“. Скажутъ: г. Боборыкину важно было подчеркнуть не столько разницу, сколько сходство различныхъ видовъ народнаго правдоискательства. Тогда къ чему это кропотливое выискиваніе чисто внѣшнихъ деталей для различенія направленій, сливающихся подъ перомъ г. Боборыкина въ одно?

Но „Исповѣдники“, повторю, не удовлетворяютъ читателя и художественною обработкою лицъ. Блѣдные, чуть-чуть очерченные, переходящіе одинъ въ другого, всѣ эти типы правдоискателей ничуть не больше говорятъ читателю, чѣмъ первый попавшійся газетный отчетъ о процессѣ какихъ-нибудь сектантовъ. Лучше обрисованы какъ разъ лица, не принадлежащія къ категоріи „Исповѣдниковъ“, напр., „ломака“-эстетка, жена состоятельнаго и „чудаковатаго“ Костровина, и дѣвица-феминистка, графиня Бунина. Точно также и наиболѣе удавшимися до сихъ поръ мѣстами повѣсти являются страницы, прямо не относящіяся къ ея темѣ. Назову хотя бы старую, но вѣчно юную исторію мученій любви и ревности, приключившуюся съ Костровинымъ, случайно видѣвшимъ поцѣлуй, которымъ обмѣнялись уже упомянутая „ломака“ и претенціозный поэтъ-декадентъ. Подождемъ, впрочемъ, конца!..

Въ январьской книжкѣ „Русской Мысли“ мнѣ притянулись двѣ недурныя, довольно удачно пополняющія одна другую вещи: я говорю о совсѣмъ коростенькомъ рассказѣ—или если, хотите, жизненной сценкѣ—г. Бунина „Новый годъ“ и о небольшой повѣсти г. Чирикова „Романъ въ клѣткѣ“. Обѣ онѣ посвящены столь часто эксплуатируемой теперь—въ подражаніе г. Чехову—темѣ: изображенію сѣрой томительно-будничной жизни большинства людей. Но эта жизнь и въ этюдѣ г. Бунина, и въ повѣсти г. Чирикова рисуется въ такомъ безотрадномъ свѣтѣ, что вызываетъ у читателя нравственную реакцію и желаніе послать ко всѣмъ чертамъ тѣ прелести существованія, которыми удовлетворяется большинство. И за эту вольную или невольную тенден-

цію рассказовъ мы должны поблагодарить авторовъ. Дѣйствительно, какъ у Гете магическое зеркало показываетъ Фаусту образъ прекраснѣйшей женщины, чтобы усилить въ немъ жажду ожидающей его въ близкомъ будущемъ любви—

Was seh'ich? Welch ein himmlisch Bild
Zeigt sich in diesem Zauberspiegel!—
O Liebe, leihe mir den schnellsten deiner Flügel
Und führe mich in ihr Gefild!—

такъ среднему порядочному человѣку, начинающему свою жизнь, литература должна показывать, наоборотъ, ужасающе-пошлую картину его грядущаго, чтобы отбить у него всякую охоту участвовать въ небокопительствѣ, именуемомъ „карьерой“ и составляющемъ предметъ сладкихъ пожеланій дѣтямъ со стороны уже опошлившихся отцовъ. Это въ особенности необходимо теперь, когда весь охранительный (и умѣренно-либеральный?) лагерь приглашаетъ взапуски современную молодежь отбросить всякія широкія и безкорыстные стремленія и заняться исключительно попеченіемъ о своемъ собственномъ благополучіи.

Г. Бунинъ рисуетъ намъ идиллическую картину одного изъ счастливѣйшихъ моментовъ нашей жизни. Герой его, средній служащій на желѣзной дорогѣ—отъ его лица и ведется рассказъ,—случайно встрѣчаетъ новый годъ вдвоемъ съ женой на одномъ изъ своихъ хуторовъ, куда онъ заѣхалъ по пути въ Петербургъ съ юга... Сцена представляетъ „большую старинную кровать“, а вокругъ царить „мертвое молчаніе русской зимней ночи“. Дѣйствующія лица, какъ уже было сказано, законные „онъ“ и „она“. „Она“ прижимается къ „нему“, и прижимается „съ необычною нѣжностью“. А „онъ“ настроенъ тоже въ соответствующемъ тонѣ: поцѣлуи и діалогъ, а затѣмъ размышленія:

Я нѣсколько разъ поцѣловалъ ее въ глаза и волосы съ той спокойной и сердечной любовью, которая бываетъ только въ рѣдкія минуты, и она внезапно отвѣтила мнѣ порывистыми поцѣлуями влюбленной дѣвушки. Потомъ долго прижимала мою руку къ своей загорѣвшейся щекѣ.

— Какъ хорошо!—проговорила она со вздохомъ и убѣжденно. И, помолчавъ, прибавила вдумчиво:—Да, все-таки ты единственный близкій мнѣ человѣкъ!.. Ты чувствуешь, что я люблю тебя?

Я молча пожалъ ей руку.

— Какъ это случилось?—спросила она, открывая глаза.—Выходила я не любя, живемъ мы съ тобой дурно, ты самъ говоришь, что изъ-за меня ты ведешь пошлое и тяжелое существованіе... И, однако, все чаще мы чувствуемъ, что мы нужны другъ другу. Откуда это приходитъ и почему только въ нѣкоторыя минуты?.. Съ новымъ годомъ, Костя!—сказала она, стараясь улыбнуться, и нѣсколько теплыхъ слезъ упало на мою рубашку.

...Я медленно гладилъ ея волосы, давая понять, что я цѣню и помню эти слезы. Я вспомнилъ прошлый новый годъ, который мы, по обыкновенію, встрѣчали въ Петербургѣ въ кружкѣ моихъ сослуживцевъ-желѣзнодорожниковъ, хотѣлъ вспомнить позавчерашній и не могъ и опять подумалъ то, что часто приходитъ мнѣ въ голову: годы сливаются въ одинъ безпорядочный и

однообразный годъ, полный сѣрыхъ служебныхъ дней и скучныхъ журъфиксовъ, умственные и душевные способности слабѣютъ, мелочная, подневольная жизнь все болѣе входитъ въ свои права... Я вспомнилъ, какъ ровно годъ тому назадъ жена съ притворною любезностью заботилась и хлопотала о каждомъ, кто, считаясь нашимъ другомъ, встрѣчалъ съ нами новогоднюю ночь, — какъ она улыбалась нѣкоторымъ изъ молодыхъ гостей и предлагала загадочно-меланхолическіе тосты и какъ чужда и непріятна была мнѣ она, эта нарядная дама въ тѣсной петербургской квартиркѣ (стр. 109—110).

Потомъ супруги вздумали даже пройтись ночью и, возвращаясь, попрежнему настроены идиллически. Новый діалогъ и новыя размышленія:

Наконецъ, жена спросила:

— А если бы мы остались здѣсь?

Я подумалъ и отвѣтилъ:

— А ты бы не соскучилась?

И какъ только я сказалъ, мы оба почувствовали, что не могли бы выжить здѣсь и года. Уйти отъ людей, отъ жизни, никогда не видать ничего дальше этого снѣжнаго поля, по цѣлымъ днямъ ѣсть и спать отъ скуки... Возможно ли это?..

— Но какъ же здѣсь жили твой отецъ, мать, братья?—спросила жена.

— То были, Оля, люди другого склада, — сказалъ я тихо. — Да и не было здѣсь такой глуши и запустѣнія. Мы вѣдь, въ сущности, живемъ въ полудикой снѣжной пустынѣ, гдѣ только есть оазисы... И если я нищій, и притомъ нищій, слабый духомъ, какъ и полагается русскому человѣку, — какъ не стремиться мнѣ къ этимъ всетаки люднымъ оазисамъ? А тамъ, среди этого оазиса, въ темнотѣ и тѣснотѣ Петербурга, чѣмъ я могу быть, какъ не чиновникомъ, отдающимъ всю свою жизнь нелюбимой службѣ и не знающимъ, для чего онъ существуетъ?

— Но какъ же быть, Костя?

— Не думать, — отвѣтилъ я. — Мы люди маленькіе, имя же намъ — легионъ... (стр. 104).

Идиллія кончается тѣмъ, что поутру размякшіе было супруги берутъ ямщика и ѣдутъ на станцію, чтобы катить во-свояси, въ питерскій „оазисъ“:

— Погоняй, Степанъ, потрогивай! Опоздаемъ!

А далеко впереди уже бѣжали туманные силуэты телеграфныхъ столбовъ вдоль желѣзной дороги, и мелкій лепетъ бубенчиковъ такъ шелъ къ моимъ думамъ о безсвязной и бессмысленной жизни, которая ждала меня впереди (стр. 105).

И вотъ Степанъ привозитъ насъ отъ идилліи прямехонько къ нашей обычной жизни, въ тотъ самый „оазисъ“ будничной хлопотни, который вмѣстѣ и тянетъ насъ такъ къ себѣ, и наполняетъ нашу душу ощущеніемъ чего-то „безсвязнаго и бессмысленнаго“. Мы въ „клеткѣ“, а въ клеткѣ происходитъ „романъ“, такой романъ, какой только и можетъ происходить въ „клеткѣ“. Пусть мы теперь въ художественныхъ владѣніяхъ уже не г. Бунина, а г. Чирикова; пусть дѣйствіе происходитъ не въ Петербургѣ, куда мы ѣхали на слѣдующій день „Новаго года“, а въ другомъ — провинціальномъ, повидимому — „оазисѣ“; пусть теперь

и рассказъ ведется не отъ лица героя, а героини; пусть законный „онъ“ назывался тамъ Костею, а здѣсь просто „мужемъ“ даже безъ особаго имени, законная же „она“ зовется уже не Олею, а Женею. Все остальное идетъ попрежнему; между существованіемъ первой четы и существованіемъ второй нѣтъ никакой разницы, какъ нѣтъ между двумя дѣйствіями и художественнаго перерыва: мы всецѣло погружены, какъ и прежде, въ „безсвязную и бессмысленную жизнь“. Но мы лишь больше осточертели другъ другу, или, точнѣе говоря, мужъ уже старается примириться съ пустотою существованія, жена же просто начинаетъ не выносить своего спутника жизни, и въ этомъ „романъ“. Прислушайтесь къ нашимъ разговорамъ (въ приведенной цитатѣ діалогъ начинается мужъ):

— Ты хочешь сказать, что больше не любишь меня?

— Мнѣ кажется...

— Почему?... Или, я хотѣлъ сказать...

— Нечѣмъ тебя любить...

— Ты любишь кого-нибудь другого?

— Нѣтъ... И это еще хуже для насъ обоихъ...

— Не забудь, что нашу жизнь мы строили вмѣстѣ. Слишкомъ жестоко взваливать на меня одного все бремя нашихъ ошибокъ... Я... да, я самый обыкновенный человѣкъ, мои крылья были тѣми крыльями, которыя временно, во дни юности, даются каждому человѣку и потомъ отнимаются... Счастливы тотъ, кто сумѣлъ не отдать этихъ крыльевъ... Я не сохранилъ ихъ: оказался обыкновеннѣйшимъ шаблоннымъ человѣкомъ, но ты? Развѣ ты считаешь себя выше? Развѣ у тебя есть эти крылья?

— Не знаю. Но у меня не умерло желаніе имѣть эти крылья, и я не могу привыкнуть къ той клѣткѣ, которая называется нашей жизнью. Понимаешь: я никогда не забываю, что я — въ клѣткѣ, и во мнѣ никогда не умирало желаніе вырваться изъ нея. А ты—прости мою жестокость—ты чувствуешь себя не дурно и все больше становишься похожимъ на ученаго скворца...

— Не надо оскорблять...

— И мнѣ кажется, что и ты меня не любишь, а такъ... привыкъ сидѣть въ клѣткѣ вдвоемъ, потому что это удобнѣе... Помнишь, когда я сказала, что мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что мы еще любимъ другъ друга, ты мнѣ отвѣтилъ на это: «должно быть, ты беременна»?... Такъ ты объяснилъ мою грусть по утраченному...

Мужъ тихо отошелъ и, опустивъ голову, началъ ходить изъ комнаты въ комнату, большими необычными шагами... Мое сердце заняло тоской, мнѣ стало жаль этого человѣка, жаль себя и жаль того, что когда-то было такъ дорого намъ обоимъ и что теперь исчезло (январь, стр. 192—193).

И вотъ „романъ въ клѣткѣ“ ускоряетъ темпъ своего развитія. Жена, чтобы избавиться отъ опостылѣвшаго ей мужа и невольнаго участія въ принятіи гостей—такихъ же сѣрыхъ небокопителей, какъ и чета въ „клѣткѣ“—и хожденія въ гости, рѣшается порвать съ товарищемъ по заключенію, а для этого налыгаетъ на себя, что она любитъ кого-то. Мужъ, какъ и подобаетъ обитателю сѣраго будничнаго царства, замыкается въ „корректное“ негодованіе, соглашается, пожалуй, отпустить жену, но ужъ ни за что не хочетъ отдать ей маленькую дочь. А тѣмъ временемъ

онъ попрежнему принимаетъ такихъ же, какъ самъ, скучающихъ гостей, играетъ съ ними для развлечения въ карты и закусываетъ, извиняется за систематическое отсутствіе жены и объясняетъ ея поведеніе болѣзнію, наконецъ, ухитряется въ пьяномъ видѣ законно изнасиловать возненавидѣвшую его жену, которая вскорѣ уходитъ, чтобы умереть—нѣсколько мелодраматично—отъ чахотки, „прислушиваясь къ шопоту дождя и думая, что это подлая скука жизни 'разсказываетъ людямъ мой сѣренькій и унылый романъ безъ любви и героевъ“ (стр. 222). Но, и оставляя въ сторонѣ и на отвѣтственности автора эту заключительную мелодраму, какъ всетаки не воскликнуть: что за славное существованіе средняго россиянина! Что за радужныя перспективы развертываются передъ тѣми молодыми людьми, которые не хотятъ увлекаться разными „широкими мечтаніями“ и благоразумно готовятся къ тихимъ радостямъ средней жизни!..

Пятидесятилѣтіе смерти Гоголя вызвало, кромѣ многочисленныхъ празднованій его памяти,—исходящихъ зачастую отъ законныхъ дѣтей имъ же осмѣянныхъ Сквозниковъ - Дмухановскихъ, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ,—рядъ изданій его сочиненій и массу журнальныхъ и газетныхъ статей. Въ лежащихъ предо мною книжкахъ журналовъ наиболѣе интересно мнѣ показалась далеко еще не конченная статья г. Н. Котляревскаго „Николай Васильевичъ Гоголь“ (1829—1842 гг.), которая занимаетъ уже три первые номера „Міра Божія“ за этотъ годъ и ставитъ себѣ двоякую цѣль:

Во-первыхъ, возстановить съ возможной полнотой исторію психическихъ движеній этой загадочной души художника и, во-вторыхъ, изслѣдовать болѣе подробно то соотношеніе, какое существуетъ между произведеніями Гоголя и современной ему дѣйствительностью, а также и ту взаимную связь, которая объединяетъ его творчество съ творчествомъ предшествовавшихъ и современныхъ ему писателей (январь, стр. 2).

Г. Котляревскій заключилъ свое изслѣдованіе въ рамки 1829—1842 годовъ, какъ періода собственно-художественнаго творчества Гоголя, заранѣе устранивъ изъ своей статьи разсмотрѣніе Гоголя—моралиста и писателя по общественнымъ вопросамъ. Пока г. Котляревскій успѣлъ перебрать различныя вліянія природы и среды на юнаго Гоголя, заканчивая этотъ психологически - общественный обзоръ моментомъ появленія въ свѣтъ „Вечеровъ на хуторѣ Диканьки“, когда „ученическіе годы“ художественнаго генія, по его мнѣнію, завершились (январь). Затѣмъ далъ намъ картину состоянія литературы и критики наканунѣ выступленія Гоголя на писательское поприще съ цѣлью надлежащимъ образомъ оцѣнить первое художественное произведеніе новаго таланта (февраль и мартъ). Эта вторая часть еще не кончена; за то предваритель-

ная, такъ сказать, психологія Гоголя уже обрисована г. Котляревскимъ, и по поводу ея можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Прежде всего, конечно, въ ней ищешь отвѣта на столько уже разъ поднимавшійся вопросъ о выведеніи художественной индивидуальности Гоголя—и индивидуальности гениальной—изъ свойствъ его характера, изъ склада его натуры, изъ первыхъ впечатлѣній его дѣтства и юности. Г. Котляревскій добросовѣстно и умѣло хотя, можетъ быть, и не безъ длиннотъ и повтореній — собралъ воедино различныя черты умственной фیزیоміи Гоголя. Но, присматриваясь къ этому воссозданному г. Котляревскимъ образу, вы не можете не поражаться несоотвѣтствіемъ между его не очень крупными особенностями (я говорю о внѣшнемъ впечатлѣніи) и удивительной грандіозностью лучшихъ твореній Гоголя. Это несоотвѣтствіе автора и его произведеній, работника и продукта, создателя и созданія не перестаетъ глубоко занимать васъ, съ какою бы тщательностью вы ни перебирали одну за другою и ни комбинировали группами черты гоголевской индивидуальности въ изображеніи г. Котляревскаго.

Я, конечно, не ставлю этого въ упрекъ автору, старавшемуся, какъ уже сказано, съ большою добросовѣстностью утилизировать имѣющійся матеріалъ. Но нельзя не констатировать упомянутаго ощущенія несоотвѣтствія, а, констатируя, не задаться вопросомъ, чѣмъ объясняется эта непропорціональность между самимъ Гоголемъ и твореніями. Г. Котляревскій говоритъ, напр., что Гоголь уже съ самаго ранняго возраста долженъ былъ обладать „сложною психическою организаціею“. Этому легко повѣрить даже à priori, зная, какимъ несравненнымъ художникомъ былъ творецъ „Мертвыхъ душъ“ и „Ревизора“. Въ чемъ, однако, выражалась эта „сложность“? И вотъ, когда начинаешь приглядываться къ элементамъ этой сложности, предполагаемое умственное величіе личности Гоголя разсыпается на отдѣльныя особенности, правоже, не представляющія ничего крайне экстраординарнаго.

Прежде всего, черта „искателя правды“, которую г. Котляревскій выдвигаетъ на очень видное мѣсто въ характеристикѣ Гоголя, не особенно индивидуальна, не особенно характеризуетъ этого гениальнаго художника уже потому, что, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ самъ г. Котляревскій, въ этомъ отношеніи Гоголь лишь „членъ той у насъ довольно распространенной семьи моралистовъ отъ рожденія, для которыхъ жизнь—рядъ поводовъ терзать свою душу разными трудными вопросами“ (январь, стр. 8). А, кромѣ того, по моему мнѣнію, Гоголь очень часто является—хотя бы въ своей школьной перепискѣ, которою занимается здѣсь г. Котляревскій,—именно не искателемъ, а риторомъ правды, нескладно-напыщенно развивающимъ разныя нравственныя тривiальности, съ тѣмъ, чтобы къ этой ходульной риторикѣ вдругъ придѣлать самый прозаическій и практическій конецъ: просьбу

къ адресату насчетъ денегъ, вещей или какое-нибудь другое житейское порученіе далеко не изъ возвышенныхъ. Эта черта, какъ мы знаемъ, порою очень раздражала нѣкоторыхъ біографовъ и критиковъ Гоголя, заставляя ихъ обвинять его въ формальномъ притворствѣ. Тогда какъ другіе извиняли или, по крайней мѣрѣ, объясняли ту же черту глубокою скрытностью его характера, его нежеланіемъ дѣлиться съ людьми своими задушевными мыслями. Это и заставляло, молъ, Гоголя начинать свои по существу дѣловыя письма ничемными разглагольствованіями на общія темы такъ чтобы корреспондентамъ его не очень шибалъ въ носъ узко-утилитарный смыслъ такихъ посланій. Но притворство или симуляція, какъ сказалъ бы современный специалистъ по душевнымъ болѣзнямъ, вообще замѣчалось у Гоголя; и выдумываніе ложныхъ мотивовъ дѣйствія ради затушевыванія настоящихъ практиковалось имъ даже по отношенію къ дѣйствительно дорогимъ ему людямъ: припомните лишь сочиненную имъ въ письмѣ къ матери любовную исторію, которою онъ хочетъ объяснить свою странную и для него самого почти непонятную первую экскурсію, чуть не бѣгство за границу. Вообще мнѣ думается, что характеристика Гоголя, какъ „искателя правды“, нуждалась бы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторомъ пересмотрѣ, если не ограниченіи *).

Не мѣшаетъ, можетъ быть, прибавить, что симуляція, характеризующая писателя, какъ человѣка, не препятствуетъ художественной правдѣ въ его произведеніяхъ, а порою даже наоборотъ. Ибо если есть писатели, для которыхъ вполне приложимо изреченіе поэта:

Нѣтъ, сердце тѣмъ не убѣдится,
Что не отъ сердца говорится,

то, съ другой стороны, есть писатели, которые тѣмъ лучше и тоньше могутъ описать чувство, чѣмъ болѣе оно чуждо имъ самимъ, чѣмъ на большемъ разстояніи они стоятъ отъ него, черпая элементы эстетической правды не изъ своего сердца, а изъ наблюденія и истолкованія аффектовъ постороннихъ лицъ. Это, я думаю, вещь, настолько извѣстная въ области художественнаго творчества, что особенно на ней останавливаться нечего. Дѣлаю это замѣчаніе потому, что высокій реализмъ гоголевскихъ произведеній совмѣстимъ какъ съ личной психологіей искателя правды, такъ и съ психологіей ея ритора. И для меня еще вопросъ, точно-ли вдохновляющей музой Гоголя въ лучшій пе-

*) И второй, болѣзненный, періодъ жизни Гоголя врядъ-ли можетъ служить доказательствомъ преобладанія въ духовномъ складѣ Гоголя такого „исканія“: тутъ простая религіозность молодого Гоголя превратилась, на почвѣ надломанной душевной организаціи, въ мучительный процессъ самобичеванія, въ которомъ, однако, въ сущности столь же мало нравственного содержанія, какъ въ любой неврастенической *idée fixe*, преслѣдующей больного меланхолика.

родъ его дѣятельности, когда писательство, по его же словамъ, было для него „вышимъ блаженствомъ“, была моральная истина, а не эстетическая правда,—что далеко не одно и то же.

И позднѣйшія истолкованія самого Гоголя, когда изсякъ грандіозный источникъ его творчества, ничуть не могутъ быть для насъ убѣдительны: мало-ли чего Гоголь въ послѣдствіи не столько истолковывалъ, сколько перетолковывалъ! Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ по поводу „Мертвыхъ душъ“, онъ, приведя восклицаніе Пушкина, прослушавшаго чтеніе первыхъ главъ этого великаго произведенія: „Боже, какъ грустна наша Россія“, пускается заднимъ числомъ въ объясненіе, что то была не дѣйствительная Россія, а лишь „карикатура и моя собственная выдумка“; а что выдумывалъ онъ потому, видите-ли, что „надѣлялъ своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью“, бичуя свои же пороки въ образѣ создаваемыхъ имъ типовъ. Но это странное исканіе нравственнаго самобичеванія путемъ „выдумки“ и „карикатуры“, вносимой въ типы, было, по всей вѣроятности, измышлено позже болѣзненно настроеннымъ Гоголемъ: кто припомнитъ, съ какою страстію великій художникъ въ лучшую пору своей дѣятельности знакомился съ людьми въ разныхъ положеніяхъ, какъ онъ собиралъ со всѣхъ сторонъ не только устные, но и письменныя свѣдѣнія всевозможнаго рода, копилъ такимъ образомъ цѣлые вороха фактическаго матеріала, которымъ позавидовалъ бы любой французскій „натуралистъ“ и любитель „человѣческихъ документовъ“, тотъ, вѣроятно, согласится, что „грустная Россія“ была и Россіей дѣйствительной, и что Гоголемъ при писаніи „Мертвыхъ душъ“ руководила не моральная истина самобичеванія, а художественная правда.

Конечно, не надо понимать сказанное такъ, что у Гоголя не было никакихъ нравственныхъ идеаловъ въ то время, когда онъ писалъ „Мертвыя души“ или „Ревизора“. Его міровоззрѣніе, вѣроятно, было то же самое, что выразилось въ „Перепискѣ“ или „Авторской Исповѣди“, лишь безъ тѣхъ болѣзненныхъ преувеличеній, которыя поражаютъ читателя этихъ вещей. Его религіозныя, политическія, соціальныя идеи лишь, такъ сказать, безобразно изогнулись, вытянулись, скривились, а по существу не перемѣнились. Но, во всякомъ случаѣ, эти идеи, бывшія въ своей умѣренной формѣ принадлежностью тогдашнихъ среднихъ умѣренно образованныхъ и даже не особенно развитыхъ русскихъ, эти идеи не были настолько сильны, чтобы побѣдить своею тенденціею неизмѣримо болѣе могучій художественный талантъ автора. И тутъ рѣчь идетъ не столько о захватанной теперь всѣми мысли о противоположеніи художника и мыслителя, сколько о мирномъ сожителствѣ въ творящей душѣ Гоголя этихъ двухъ параллельныхъ, не пересѣкавшихся сторонъ его индивидуальности. Повидимому, процессъ художественнаго творчества, приводившій

автора въ состояніе эстетическаго экстаза („высшаго блаженства“), производилъ на душевный міръ Гоголя дѣйствіе, похожее на операцію, какую знаменитый естествоиспытатель Фарадей, бывшій въ то же время ревностнымъ послѣдователемъ одной изъ самыхъ странныхъ сектъ Англіи, продѣлывалъ съ своими теологическими воззрѣніями, когда принимался за свои великолѣпные опыты и научныя обобщенія. Онъ не фигурально только, но и въ дѣйствительности захлопывалъ дверь своей молельни, входя въ сосѣднюю лабораторію. Такъ и нашъ Гоголь очень мало, вѣроятно, думалъ о своихъ религіозно-соціально-политическихъ взглядахъ, когда развертывалъ передъ читателями грандіозную эпопею Россіи на рубежѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Что бы ни утверждали наши охранители насчетъ сокровенной великой истины, уже, молъ, проглядывающей сквозь сознанныя послѣ и самимъ Гоголемъ несовершенства „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ и подъ конецъ его жизни лишь расцвѣтшей дивнымъ цвѣтомъ въ письмахъ и „Исповѣди“, эту истину вы тщетно будете искать въ бессмертныхъ произведеніяхъ гоголевской общественной сатиры. За то вы найдете тамъ правду художественную, и эта правда—„грустная Россія“.

Лишь позже, когда въ силу плохо выясненныхъ до сихъ поръ причинъ творческій аппаратъ Гоголя оказался разбитымъ, общее міровоззрѣніе бывшаго гениальнаго художника могло выразиться въ литературѣ, и выразиться даже въ болѣзненно-преувеличенной формѣ. Но Гоголь, какъ создатель бессмертныхъ произведеній, тогда уже умеръ, или, какъ наивно выражается г. Е. Поселянинъ въ № 57 „Московскихъ Вѣдомостей“, „пусть погибъ томъ „Мертвыхъ душъ“: спасена его душа“... Вотъ-вотъ!.. *)

Есть другая черта психологіи Гоголя, которую подчеркиваетъ г. Котляревскій: это постоянная мысль, сопровождавшая Гоголя съ очень раннихъ поръ и до могилы, о томъ, что онъ человѣкъ особенный, не какъ всѣ; что онъ—„загадочная натура“, которая и должна искать себѣ особаго пути, которой предстоитъ нѣчто необычное, но которая должна за то платиться и необычными страданіями, должна переносить отъ людей массу несправедливостей, презрѣнія и т. д. Однако, когда присматриваешься ближе къ этимъ романическимъ планамъ о будущемъ, то самымъ опредѣленнымъ изъ этихъ мечтаній оказывается желаніе „вступить въ

*) Мы должны неустанно повторять, что, если отбросить патологическую форму идей Гоголя во второмъ періодѣ, то въ этихъ взглядахъ нѣтъ, въ сущности, ничего, возвышающагося надъ уровнемъ обыкновеннаго міровоззрѣнія русскихъ реакціонеровъ. Если послѣдніе съ пафосомъ распространяются о «вѣчномъ», «проникновенномъ» значеніи мыслей «Переписки», то дѣлаютъ это, какъ разъ наоборотъ, лишь ради непосредственныхъ политическихъ соображеній, ради рекламы своей разваливающейся лавочки. Стоитъ измѣниться современнымъ русскимъ условіямъ—и вы увидите, какъ обновленная страна будетъ мало говорить о «вѣчности» этихъ Гоголевскихъ разсужденій.

службу государственную“, и такимъ путемъ „поднять трудъ, важный для счастья гражданъ“. Но интересно, что если Гоголь отождествляетъ теоретически государственную службу и служебное обществу, и будетъ отождествлять въ самой „Перепискѣ“, приглашая на этотъ административный подвигъ всѣхъ и каждого, на практикѣ онъ уже въ самомъ началѣ своей служебной дѣятельности въ Петербургѣ смотритъ на свои занятія гораздо проще и прозаичнѣе, съ „чисто-матеріальной“ точки зрѣнія. Особого размаха въ этихъ планахъ величія, какъ видите, не было.

Очень любопытно еще слѣдующее обстоятельство, показывающее, что у Гоголя не было вначалѣ даже того страстного стремленія къ литературѣ, которое такъ часто характеризуетъ будущихъ художниковъ слова: въ числѣ плановъ величія у молодого Гоголя, дѣйствительно, совершенно отсутствовало желаніе составить себѣ извѣстность на писательскомъ поприщѣ. Писалъ онъ еще въ лицѣ, писалъ много и охотно, сочинивъ тамъ даже своего неудачнаго „Ганса Кюхельгартена“, котораго онъ издалъ подъ чужимъ именемъ по пріѣздѣ въ Питеръ и скоро изъялъ изъ обращенія, подъ вліяніемъ недружелюбной критики. Но онъ не придавалъ серьезнаго значенія этимъ попыткамъ; и даже, когда писалъ уже „Вечера на хуторѣ“, смотрѣлъ больше на нихъ съ точки зрѣнія „матеріальной пользы“: самъ онъ и не подозрѣвалъ внутреннихъ достоинствъ своего произведенія. И литературные, какъ и служебные планы Гоголя, сводились, какъ видите, на практикѣ къ соображеніямъ не особенно высокаго разряда.

Можетъ быть, нѣсколько больше говорить о будущей художественной силѣ Гоголя его противорѣчивая и неуравновѣшенная натура, но и то лишь постольку, поскольку вообще вѣрна гипотеза о близости или, по крайней мѣрѣ, объ извѣстномъ соотношеніи между гениемъ и ненормальностью. Гоголь, дѣйствительно, рисуется намъ крайне впечатлительнымъ существомъ, въ которомъ одновременно функціонируютъ болѣе или менѣе исключаютеліе другъ друга психическіе факторы, напр., очень живая фантазія и пронизательный умъ; въ которомъ замѣчается чрезвычайно быстрая смѣна настроеній: веселья и „глубокой меланхоліи съ перевѣсомъ послѣдней“; въ которомъ, наконецъ, уживаются романтическій порывъ и трезвая наблюдательность, неясныя, но могучія стремленія къ какому-то идеалу и почти врожденная, можно сказать, практичность, самолюбіе, граничащее съ непріятнымъ самомнѣніемъ, и уничтоженіе послѣ неуспѣха, увѣренность въ силахъ и легко наступающее отчаяніе. Даже нѣкоторыя изъ свойствъ гоголевскаго художественнаго темперамента, которыя г. Котляревскій разсматриваетъ какъ основныя и неразложимыя, сводя ихъ даже къ расѣ, — напр., юморъ, — представляются мнѣ производными и легко объяснимыми именно изъ сосуществованія въ душѣ Гоголя довольно противоположныхъ

элементовъ. Такъ, гоголевскій юморъ есть, по моему, особая форма настроенія, которою пылкая фантазія защищается отъ разлагающаго анализа тонкаго ума: воображеніе какъ бы извиняется въ своихъ капризахъ передъ трезвымъ разсудкомъ и забѣгаетъ впередъ его возраженій, принося покаянную въ видѣ юмористическаго отношенія къ только-что продѣланному сальтомортале.

Итакъ, вотъ все, что мы могли извлечь въ смыслѣ характеристики юнаго Гоголя изъ добросовѣстнаго этюда г. Котляревскаго. Спрашивается теперь, въ какой степени совокупность разсмотрѣнныхъ нами чертъ можетъ объяснить колоссальную художественную дѣятельность отца русскаго реализма и ея внезапное и раннее прекращеніе. Я думаю, что читатель согласится теперь не только въ трудности, но въ прямой невозможности установить пропорціональность—какъ было сказано выше—между творцомъ и его великими твореніями. Въ настоящее время у насъ осталось слишкомъ мало строго провѣренныхъ документовъ для пересмотра этого въ высшей степени интереснаго литературно-критическаго процесса: въ чемъ состояла психическая геніальность Гоголя? и почему она такъ скоро изсякла, уступивъ мѣсто заурядному реторическому резонерству, съ большимъ самоуниженіемъ развивающему взгляды, которые были не только не оригинальными въ 40-хъ годахъ, но показались бы отсталыми даже для Россіи екатерининской эпохи? А между тѣмъ исторія литературной дѣятельности Гоголя является однимъ изъ самыхъ любопытныхъ проблемъ психологіи великихъ людей.

Извѣстный психіатръ г. Н. Баженовъ пытается, правда, въ своей статьѣ въ январьской и февральской книжкахъ „Русской Мысли“ освѣтить съ научной точки зрѣнія „Болѣзнь и смерть Гоголя“, стремясь поставить душевный діагнозъ писателя на основаніи чисто литературнаго матеріала. Но, не говоря уже о томъ, какъ трудно подставить точные научные термины въ неопредѣленные выраженія обычнаго языка,—и по документамъ, насчитывающимъ уже полвѣка, а кромѣ того, неполнымъ и противорѣчивымъ,—мы въ данномъ случаѣ получили бы даже при успѣшномъ результатѣ изслѣдованія лишь отвѣтъ на вопросъ о болѣзненномъ состояніи Гоголя, но не на вопросъ о психическихъ особенностяхъ его художественнаго творчества.

И вотъ, перечитывая это время массу немало различныхъ, большею частію умѣренно интересныхъ статей о Гоголѣ, я сожалѣлъ, что у насъ не нашлось человѣка, столь же свѣдущаго въ естественныхъ наукахъ, сколько литературно образованнаго, чтобы на частномъ, но поразительномъ примѣрѣ Гоголя поработать надъ вопросомъ о фیزیологическихъ условіяхъ расцвѣта и упадка художественной геніальности. И у меня не выходитъ изъ головы попытка мало извѣстнаго, но самостоятельнаго русскаго мыслителя, ●. Вешнякова (его цѣнилъ, однако, покойный П. Л. Лавровъ),

поставить на научномъ основаніи „сравнительную біологію и патологию ученыхъ, мыслителей и артистовъ“. Таково, дѣйствительно, названіе его послѣдняго (посмертнаго), вышедшаго на французскомъ языкѣ (въ 1899 г.) труда, въ которомъ этотъ авторъ пользуется біографіями нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ ученыхъ и литераторовъ, чтобы опредѣлить нормальныя и болѣзненныя условія умственной работы и установить характеристику и жизненную эволюцію разныхъ типовъ мыслителей. Когда, напр., читаешь у Вешнякова о патологическомъ состояніи и преждевременномъ біологическомъ упадкѣ нѣкоторыхъ оригинальныхъ, — синтетическихъ и философски-обобщающихъ — умовъ, то невольно приходится на умъ нашъ Гоголь, который, если и не былъ философомъ, то совершилъ величайшій художественный синтезъ, какой только когда-либо существовалъ въ русской литературѣ. И когда тотъ же Вешняковъ рельефно подчеркиваетъ фактъ, что упадокъ творческой дѣятельности гениевъ сопровождается зачастую періодомъ незначительныхъ совершенно заурядныхъ работъ, мало напоминающихъ первоначальныя великіе труды, то какъ таки снова не вспомнить нашего Гоголя, который въ 1842 г., т. е. на тридцать третьемъ году своей жизни, завершилъ циклъ своего великаго художественнаго творчества и послѣдніе десять лѣтъ ничего не могъ дать Россіи (не говоря о неизвѣстномъ намъ въ сущности второмъ томѣ „Мертвыхъ душъ“), кромѣ „Переписки“ и „Исповѣди“, способныхъ восхищать лишь разныхъ Говорухъ-Отроковъ и гг. Волынскихъ? Будемъ надѣяться, что отливъ метафизическихъ тенденцій и пробужденіе интереса къ положительной наукѣ будутъ имѣть своимъ результатомъ, между прочимъ, и появленіе строго научной и вмѣстѣ высоко художественной біографіи нашего великаго реалиста.

Упомяну еще о кой какихъ вещахъ въ лежащихъ предо мною журналахъ. Въ февральской книжкѣ „Русской Мысли“ г. Маминъ-Сибирякъ даетъ подъ заглавіемъ „Старая реформа“ небольшой, но характерный разсказъ изъ жизни бѣдныхъ бурсаковъ, настоящихъ босяковъ нашего духовнаго сословія, застигнутыхъ преобразовательнымъ шкваломъ, который пронесся во время оно по семинаріямъ всей Россіи, докатился до отдаленной Сибири и оставилъ повсюду массу жертвъ, polegшихъ костями на полѣ брани съ новыми требованіями при старой подготовкѣ. Въ мартовскомъ номерѣ „Русской Мысли“ можно отмѣтить начало повѣсти г-жи А. Ф. Дохтуровой „По теченію“, — исторію флирта одной изящной барышни одновременно съ мягкимъ и женолюбивымъ писателемъ и съ бравымъ студентомъ; и начало же романа г. В. Я. Свѣтлова, задавашагося, повидимому, цѣлью изобразить современный адвокатскій и театральный міръ, хотя нѣсколько

загадочное заглавіе „Темный блескъ“ не позволяет еще сказать рѣшительно, ограничится ли авторъ затронутой пока сферой дѣльцовъ и бонвивановъ, или попробуетъ расширить свой сюжетъ. Объ этихъ двухъ вещахъ,—и о повѣсти, и о романѣ,—мы поговоримъ, когда онѣ будутъ кончены или, по крайней мѣрѣ, достаточно опредѣлятся.

Въ мартовскомъ номерѣ „Міра Божія“ г. Танъ набрасываетъ рядъ недурныхъ сценокъ изъ своихъ путевыхъ очерковъ „По Японіи“. Существованіе бокъ-о-бокъ и уже начавшееся взаимное проникновеніе двухъ культуръ, восточной и западной, изображены авторомъ легкими, но, какъ мнѣ кажется, вѣрными штрихами. Останавливаетъ на себѣ вниманіе и та сторона Японіи, въ которой авторъ находитъ аналогію съ веселой и граціозной жизнію древняго міра. Было бы, дѣйствительно, интересно прослѣдить, насколько современная „Имперія восходящаго солнца“ (одно изъ оффиціальныхъ названій Японіи) дѣйствительнымъ, а не внѣшнимъ только образомъ оправдываетъ впечатлѣнія нашего туриста, который говоритъ объ

идилліи Теокрита, внезапно претворенной въ дѣйствительность въ этой замѣчательной странѣ, гдѣ крайній востокъ Азіи соприкасается съ крайнимъ западомъ Америки и кирпичные фасады заводовъ возникаютъ рядомъ со статуями Будды среди древнихъ рощъ, посвященныхъ тишинѣ, дремотѣ и красотѣ (стр. 12);

и- который характеризуетъ кварталъ столичнаго города, какъ

уголъ античной эпохи, одинаково чуждый нашимъ тяжелымъ цивилизованнымъ порокамъ и колючимъ сѣвернымъ рефлексамъ совѣсти. Специфическій хмѣльный и блудливый угаръ, окутывающій по ночамъ грѣшныя стогны европейскихъ столицъ, здѣсь не существовалъ. Небо было слишкомъ ясно, яркія краски сплетались изящно, лица смотрѣли беззаботно, смѣхъ звенѣлъ слишкомъ заразительно (Ibid.).

Перечитывая эти строки русскаго путешественника, я невольно припоминалъ блестящее обобщающее изображеніе характера японцевъ такимъ извѣстнымъ ученымъ, какъ Элизе Реклю. Я позволю себѣ привести слѣдующую цитату изъ знаменитаго географа:

Своею воздержностью, личнымъ достоинствомъ, чувствомъ чести, взаимнымъ уваженіемъ и симпатіей, масса японскаго народа несомнѣнно превосходитъ нравственный уровень большинства западнаго населенія: она превосходитъ послѣднее и пониманіемъ красоты природы. У самаго послѣдняго крестьянина Ниппона глаза открыты на прелесть или величіе пейзажей; когда онъ строитъ свою деревянную хижину, онъ старается поставить ее на берегу текучей воды, по сосѣдству съ рощею, въ виду великолѣпнаго горизонта, и почти всегда онъ украшаетъ ее цвѣтами, расположенными съ большимъ вкусомъ. Даже запрещено портить ландшафтъ, строя гостиницы на неподходящемъ мѣстѣ. Въ лучшее время года повсюду встрѣчаешь группы людей изъ народа, не столько паломниковъ, сколько туристовъ, которые посѣщаютъ мѣста, наиболѣе славящіяся своею живописностью.

Въ мартовскомъ же номерѣ „Міра Божія“ мнѣ приглянулся, — приглянулся не столько по выполненію, носящему слѣды неопытности и мелодраматичной наивности, сколько по замыслу, — небольшой рассказъ г-жи Крандіевской „Только на часъ“. Это — исторія начинающей писательницы, которая пріѣхала осматривать рудникъ съ цѣлью заготовить матеріаломъ для писанія и для большей добросовѣстности провела часъ — „только часъ“ — на днѣ шахты, вдали отъ солнца и обычной суетни, среди почернѣлыхъ, истомленныхъ людей, работающихъ при слабомъ мерцаніи лампочекъ, среди грязи, вони и тѣсноты, въ самыхъ ужасныхъ нечеловѣческихъ позахъ. Писательница не выдерживаетъ, еле-еле добирается до поверхности и всю слѣдующую ночь проводитъ въ мучительномъ кошмарѣ, сближая впечатлѣнія своего часа со всей безконечной, монотонной жизнью илотовъ современной цивилизаціи и тщетно спрашивая себя, „что же дѣлать? что?“ и какъ освободить массу чувствующихъ и страдающихъ существъ отъ ихъ каторжной доли.

В. Г. Подарскій.

Литература и жизнь.

Еще матеріалы для біографіи Г. И. Успенскаго.

Слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ Успенскій умеръ, какъ писатель и общественный дѣятель, и для него настала долгая, мучительная, полная страшныхъ видѣній духовная ночь, съ короткими промежутками просвѣтленія, въ своемъ родѣ не менѣе страшными и мучительными. Теперь навѣки закрылись эти прекрасные скорбные глаза. Не жалѣть бы объ этомъ надо, а радоваться, — человѣкъ упокоился. Но, вѣдь, именно „упокоился“, а не успокоился; цѣною жизни куплено прекращеніе страданій. И какъ ни свыклись мы съ мыслью, что онъ конченный человѣкъ, его смерть не могла не ударить больно по сердцамъ знавшихъ его лично или даже только по его писаніямъ, — это вѣдь „властитель думъ“ своего времени, къ слову котораго прислушивались съ трепетнымъ вниманіемъ. Затянутые въ водоворотъ текущихъ дѣлъ, мы стали даже забывать или уже забыли этого давно конченнаго, хотя еще живого человѣка. Смерть воскрешаетъ его, и, можетъ быть, только теперь настало время полного подсчета того, что онъ намъ далъ и что мы въ немъ еще десять лѣтъ тому назадъ потеряли.

Какъ будто и начинается этотъ подсчетъ...